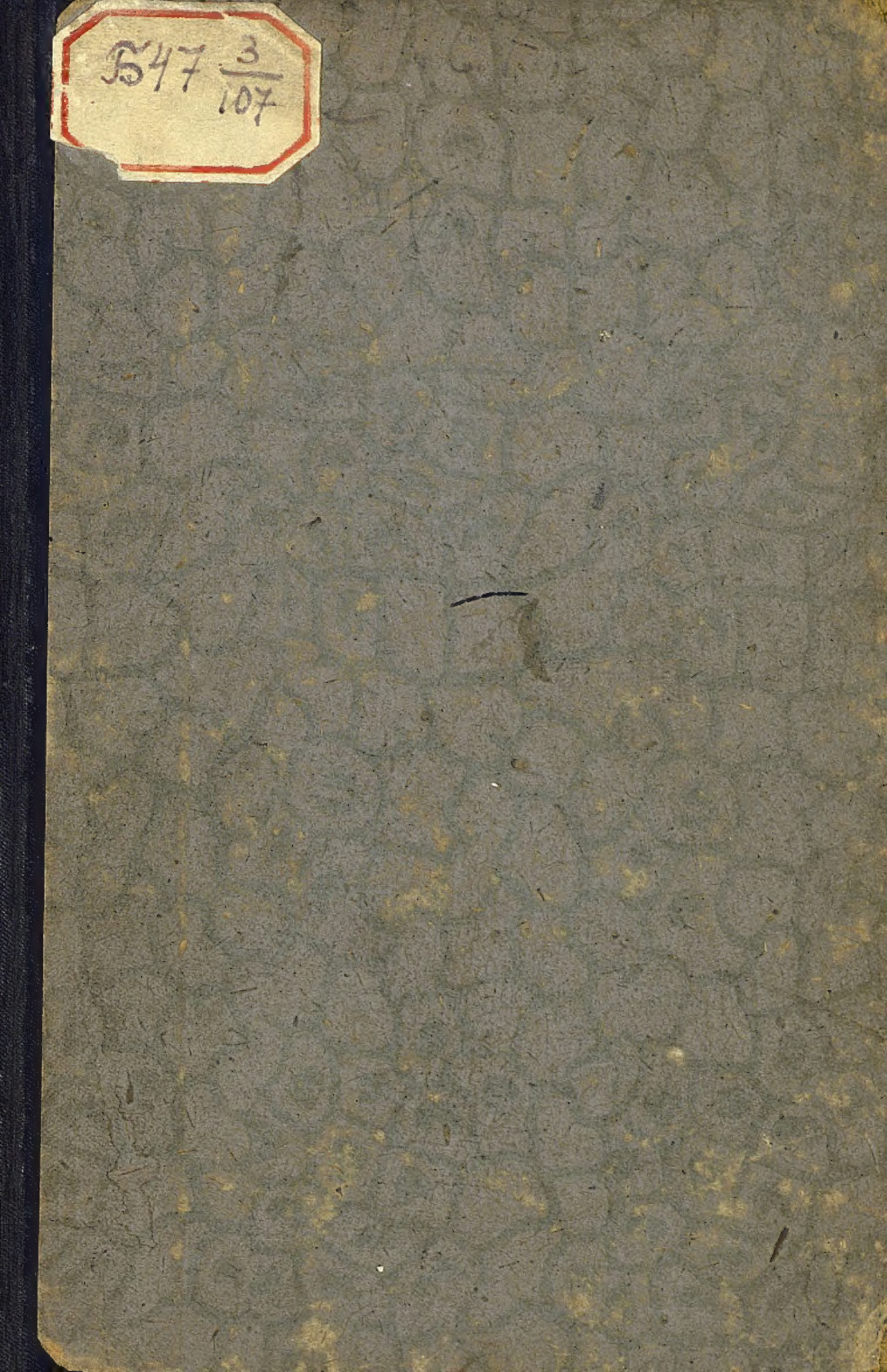

Б47 3/107

МОСКОВСКИЙ ИСТПАРТ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ
И ДОКУМЕНТОВ

Товарищ Бауман

СОСТАВЛЕН
Ц. ЗЕЛИКСОН
-БОБРОВСКОЙ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ МК РКП (Б)
МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

ТОВАРИЩ БАУМАН

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ И ДОКУМЕНТОВ О ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СМЕРТИ ТОВ. БАУМАНА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЗЕЛИКСОН - БОБРОВСКОЙ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Напечатано
в типографии „Заготхоза"
Милиции Республики.
Москва, Курсовой п., 19.
Главлит 44022 Тир. 5000.

Фотография хранящейся в музее В. И. Ленина рукописи некролога, написанного им по получении первого известия об убийстве Баумана и помещенного тогда в большевистской газете „Пролетарий“ от 7-го ноября 1905 года.

Николай Эрнестович Бауман

Телеграф принес сегодня (3 нояб. н. ст.) известие, что в Москве убит царскими войсками член Росс. С.-Д. Р. Партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вдова убитого, прерываемая рыданиями, обращалась к своей партии, обращаясь к народу с речью о раздаче* и вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробных биографических сведений о павшем товарище. Вспомним только его роль давнюю. Он начал работу в с.-д. организациях, ~~если не ошибаемся~~, в Петербурге в 90-х годах, был арестован, сидел в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу в 1900 году и с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Нелегальным агентом был в России. Был делегатом от Московского Комитета Р.С.Д.Р.П. на втором съезде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором съезде Лиги (псевдоним: Сарафанов). Состоял затем членом Моск. К-та партии. Арестован 16 июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден, кажется, только на днях.

Вечная память борцу в рядах российской с.-д. пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть почести, оказанные восставшим народом его праху, будут залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого ~~самодержавия~~ царизма!

---

*) Был арестован (в феврале 1902 г. в Чернигове (Воронеж?)) за эту организацию «Искры» и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами с.-д. ~~осенью~~ в августе 1902 года.

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были соц.-демократы в Петербурге, назвавшие манифест 17 окт. ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остаются в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта „амнистия", когда освобождаемых из тюрьмы расстреливают казаки по улицам?

I.

Телеграф принес сегодня, 3 ноября н. ст., известие, что в Москве убит войсками правительства член РСДРП ветеринарный врач Н. Э. Бауман, у гроба его произошла демонстрация, где вдова убитого, принадлежавшая, равным образом, к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о павшем товарище. Отметим лишь главное. Он начал работу в соц.-дем. организации в Петербурге в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губ. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации „Искры", будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 года в Воронеже (выдан врачем) по делу организации „Искры" и сидел в киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами с.-д. в августе 1902 года. Был делегатом от Московского Комитета РСДРП на второй с'езд партии (псевдоним Сорокин, участвовал на втором с'езде Лиги, состоял членом Московского Комитета партии. Арестован 16 июня 1904 года, сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на-днях [1]).

Вечная память борцу в рядах российского соц.-дем. пролетариата. Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции.

Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма.

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были соц.-дем. ораторы в Петербурге, называвшие манифест 17 октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещания свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства. Не ловушка ли в самом деле эта амнистия, когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?

---

[1]) „Пролетарий" № 24, Женева от 7 ноября (25 октября) 1905 г.

ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СМЕРТЬ тов. БАУМАНА

в кратком очерке

Старые московские рабочие хорошо помнят, что первый, кто двадцать лет назад кровью своей спаял Московскую большевистскую организацию с широчайшими слоями пролетарской Москвы—был Николай Эрнестович Бауман.

Старики знают и помнят, но молодежь имеет лишь смутное представление о том, кто же такой этот Бауман, именем которого у нас в Москве назван целый пролетарский район.

Ныне, когда истекает двадцать лет с того дня, как красивая жизнь тов. Баумана оборвалась и завершилась героическим концом, Московский Комитет нашей партии считает необходимым подробно рассказать молодежи о тов. Баумане и постановлением своим от 23|V поручил мне собрать по возмож-

ности все как до сих пор опубликованное о жизни, деятельности и смерти Баумана, так и новый материал и об‘единить это в одном специальном сборнике, который Московский Комитет посвящает памяти революционера, борца, друга московских рабочих, памяти того, кто первый пал на улицах Москвы за дело пролетарской революции.

Московский Губернский Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) посвящает этот сборник памяти Николая Эрнестовича Баумана.

* * *

Николай Эрнестович Бауман родился 17 мая 1873 года в селении Поранский завод близ Казани в семье обойного мастера немца Эрнеста (Евграфа) Андреевича и Мины Карловны Бауман.

О ранней поре жизни тов. Баумана мы имеем мало сведений, но один документ, сохранившийся в архиве бывшего департамента царской полиции, с совершенной точностью показывает, что семья, в которой рос Николай Эрнестович, была патриархальной семьей и что если тов. Бауман делается революционером еще в ранней юности, то революционную бациллу, поразившую его юношеский организм, следует искать вне стен его родительского дома.

Документ—прошение матери, как очень характерный для среды, из которой вышел тов. Бауман, позволяем себе здесь привести целиком, заранее оговариваясь, что к дальнейшей судьбе этого прошения нам придется вернуться впоследствии, когда будем говорить об обстоятельствах первого ареста и пребывания тов. Баумана в Петропавловской крепости.

Д. № 96, т. IV, 1897 г. д-та пол., 2 дел-во „О лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организации, именующейся „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса".

Его Превосходительству Господину Директору
Департамента Государственной Полиции

Мины Карловны Бауман

ПРОШЕНИЕ.

Вот уже 18 месяцев, как родной сын мой, Николай Бауман, сидит в крепости. Сперва я не хотела верить этому. Единственное утешение мое на старости лет—любимый сын мой, которым я жила, этот сын в тюрьме! Толька мать или отец, горячо любящий своего ребенка, могут понять, как велико поразившее меня горе. В последнее же время оно еще усилилось, когда я узнала, что здоровье моего сына расстроилось. А вы знаете, Ваше Превосходительство, что значит для матери болезнь ее ребенка. Сколько слез и бессонных ночей прибавит оно к моей уже и без того нерадостной жизни! Неужели же Вы, Ваше Превосходительство, не поймете всей глубины моего горя и не исполните моей нижайшей просьбы, просьбы матери, которая только на Вас возлагает всю надежду. Я умоляю Вас именем Ваших детей, именем самого Христа облегчить участь моего сына и выпустить его на свободу. Если же этого нельзя сделать, то хотя перевести его из крепости в дом предварительного заключения. Там, как я слышала, условия жизни все таки лучше, чем в крепости, и может быть здоровье моего сына поправится. Это единственная надежда, которая у меня остается. Не отнимайте же ее, Ваше Превосходительство, у бедной старой матери, не откажите исполнить мою просьбу. Мои самые искренние и горячие молитвы послужат Вам благодарностью.

Мина Карловна Бауман.

Казань, 7-го октября 1898 года.

Из дальнейших документов департамента полиции видно, что тов. Бауман обучался во второй Казанской гимназии, что в 1891 году вышел из 7-го класса и поступил в казанский Ветеринарный Институт, который окончил в 1895 году, т.-е. когда ему исполнилось всего лишь 22 года.

О студенческих годах Николая Эрнестовича, о его исканиях „смысла жизни" узнаем из приводимого здесь отрывка воспоминаний тов. Стопани, близкого друга юности тов. Баумана. Вот что пишет об этом времени тов. Стопани:

„Это было в самом начале девяностых годов, примерно, в 1892 году, в Казани, во времена сильнейшего революционного затишья. Народовольчество выродилось к этим годам в интеллигентский радикализм и культурничество, а социал-демократия у нас еще не народилась, хотя и „носились уже в воздухе" даже в таких захолустьях, каким всегда была в революционном отношении Казань . . . Для рабочих кружков, с которыми я имел дело, одного „революционного" настроения было слишком мало, не удовлетворяли нас и студенческие—тоже подпольные, кружки—землячества, занимавшиеся, главным образом, саморазвитием. . . Марксистской литературы, которая, появившись через год, оказалась для нас настоящим откровением, и в помине не было. . . Мы с тов. Бауманом, два желторотых студента (он Ветеринарного Института, я ун-та), переживали мучительно отсутствие ответа на стоявшие перед нами „проклятые вопросы", помнится прежде всего, что считать первоосновой—политику, в частности террор, или путь экономической борьбы. . . И затем, как относится к капитализму и общине (кажется в то время появилась известная книга на эту тему Николай—она).

Мы решили потребовать категорически ясного ответа на все эти вопросы от наших казанских лидеров—„стариков". Обходили их, приставали „как с ножем к горлу". Живо помню, насколько неиствовал в требовании ответа обычно спокойный и уравновешанный тов. Бауман. . . Да и стоило неиствовать, ибо, кроме полнейшего разочарования, ничего наши быстростремительные набеги на наших орадикалившихся „лидеров" нам не дали. Настроение у нас было настолько мучительно,

что если бы не марксизм, который вскоре же стал пускать в Казани крепкие корни, вероятно, кончили бы мы оба плохо. . . "

(„Пролетарская Революция" № 2 (14) 1923 г.).

„Живо помню, насколько неиствовал в требовании ответа обычно спокойный и уравновешанный тов. Бауман". Здесь уже ясно чувствуется будущий профессиональный революционер, умеющий ставить перед собой ясные задачи и энергично разрешать их. Само собой разумеется, что ни Казань, ни какое нибудь другое захолустье, в смысле развития там революционного движения, не могли удовлетворить деятельную натуру Николая Эрнестовича, и по окончании Ветеринарного Института, прожив недолго в Саратове, он устремился в Петербург, где тогда в 1896 году разгорались знаменитые стачки (у Макселя и др.), вырвавшие между прочим у царского правительства первый фабричный закон об ограничении рабочего времени $11^1/_2$ часами.

Сейчас же по приезде в Петербург тов. Бауман связывается с Петербургским Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса и становится деятельным пропагандистом социалдемократических идей среди петербургских рабочих, пока работа его не обрывается жандармами, которые 22 марта 1897 года при „ликвидации Союза Борьбы", арестовывают и Баумана.

Тут впервые приходится Николаю Эрнестовичу познакомиться с прелестями царской тюрьмы, при чем он попадает не в дом предварительного заключения, куда обычно сажали в Питере „политиков", а попадает в Петропавловскую крепость, в жутких казематах которой проводит целых 19 месяцев.

К этому тяжелому времени относится приведенное нами выше прошение матери Баумана—этот вопль души простой бесхитростной женщины, обращенный к камню, в наивной надежде, что камень может ответить.

Ответ „Его Превосходительства" на мольбы Мины Карловны Бауман:—„именем Ваших детей, именем Христа облегчить участь моего сына",—этот ответ тоже сохранился; приводим его:

д. № 96, т. IV, 1897 г. д-та пол., 4 дел-во „О лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организации, именующейся „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса".

Д. П.
3 ноября 1898 г.
по 4 дел-ву.
№ 3505.

Г. Казанскому Губернатору.

Д. П. имеет честь пок. просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении с об'явлением проживающей в Казани мещанке Мине Карловой Бауман на прошение от 7-го октября, что дело, к коему привлечен сын ее Николай Бауман, находится на рассмотрении в М-ве Юстиции, будет разрешено в самом непродолжительном времени и что ходатайство ее об освобождении Николая Баумана из под стражи или переводе из СПБ. крепости для дальнейшего содержания в Дом Предварительного Заключения удовлетворены быть не могут.

Вице-директор Семякин.

12 декабря 1898 года „воспоследовало высочайшее повеление" о ссылке Баумана в Вятскую губернию на целых четыре года, но длительное одиночное заключение, надломив физические силы Николая Эрнестовича, еще больше закалило его дух, и в ссылку он идет еще более окрепшим, вполне сформировавшимся революционным работником-партийцем. Вот почему по прошествии лишь десяти месяцев „мирного жития" в городе Орлове, куда вятский губернатор водворил его на все положенные четыре года ссылки, он уже 15 октября 1899 года бежит за границу.

Чтобы понять, почему Николаю Эрнестовичу не сиделось в ссылке, надо вспомнить, что к концу девяностых годов в

воздухе носились уже не только идеи социал-демократии, как это было в начале того десятилетия там в Казани, когда юный студент Бауман искал „смысл жизни“, теперь к концу десятилетия социал-демократические идеи настолько упрочились, что в воздухе носились уже идеи будущей Ленинской „организации революционеров“, а тов. Бауман был создан для роли профессионального революционера.

Природным чутьем революционного работника — практика Николай Эрнестович потянулся туда, за границу, куда всего лишь через несколько месяцев прибыл В. И. Ленин, который созданием революционной организации „Искра“ тогда в 1900 году заложил и организационный фундамент нашей стальной большевистской партии.

Приехав за границу в самую горячую пору идейного размежевания ортодоксально-марксистской группы „Освобождение Труда“ с ревизионистами—рабочедельцами—„Заграничным Союзом русских социал-демократов“, Бауман примыкает к „Группе Освобождения Труда“, а со времени приезда В. И. Ленина (в августе 1900 г.) Николай Эрнестович принимает ближайшее участие в обсуждении практических вопросов, связанных с организацией „Искры“.

Когда с декабря того же 1900 года стала выходить газета „Искра“, и первой заботой В. И. Ленина явилось, чтобы эта газета правильно доходила до русских рабочих, он привлекает к этому делу тов. Баумана. В материалах Института Ленина имеется ряд писем Владимира Ильича и Надежды Константиновны к „Грачу“ — тогдашняя партийная кличка Баумана. В этих письмах Николаю Эрнестовичу поручается упорядочение дела транспортировки „Искры“ в Россию, которую до тех пор переправляли цюрихские студенты—латыши, социал-демократы, Эрнст Роллау и Скубяк, но переправляли „Искру“ лишь попутно, так как главная задача их была транспортировать заграничные латышские издания для латышских социал-демократических организаций.

Из прилагаемого одного из писем В. И. Ленина к „Грачу“ видно, что Владимир Ильич не удовлетворен работой „Николая“ (кличка Эрнст Роллау) и хочет, чтобы Бауман взялся за это дело, „только при непосредственном участии в транспорте

вполне нашего человека можем надеяться на утилизацию этого пути". Приводим полностью письмо В. И. Ленина к „Грачу".

Грачу.

„Сейчас получили известия от Николая (-Эрнста), что у него перевезено и лежит в надежном месте $4^1/_2$ пуда; это первое. Второе—что всегда есть возможность у него переходить границу нашему человеку вместе с контрабандистом и что такие люди нужны. Итак, вот какое предложение мы Вам даем: поезжайте тотчас на место, с'ездите с одним из Ваших паспортов к Николаю в Мемель, узнайте от него все, затем перейдите границу по паспорту или с контрабандистом, возьмите лежащую по сю сторону (т.-е. в России) литературу и доставьте ее повсюду. Очевидно, что для успеха дела необходим на помощь Николаю и для контроля за ним еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятый приемом литературы на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву. Мы совершенно изверились в Николае и его К-о, решили не давать им больше ни гроша, и только при непосредственном участии в транспорте вполне нашего человека можем надеяться на утилизацию этого пути. Вы для этого были бы удобны, ибо (1) были уже раз у Николая и (2) имеете два паспорта. Дело трудное и серьезное, требующее перемены местожительства, но зато дело самое важное для нас. Обдумайте хорошенько и отвечайте немедленно, не откладывая ни одного дня. Если вы не берете этого поручения на себя, мы должны немедленно передать эту должность другому. Поэтому еще раз настойчиво просим ответить тотчас же".

Из этого письма уже ясно видно, что Бауман частенько ездил нелегально по делам „Искры" из-за границы в Россию и из России за границу, при чем в немалой степени успеху таких поездок способствовала чудодейственная сила двух имевшихся тогда в его распоряжении паспортов, о которых упоминает в своем письме и В. И. Ленин.

В конце 1901 года Николай Эрнестович был в качестве агента „Искры“ послан В. И. Лениным в Москву „для завоевания комитетов“, как говорилось тогда в нашей старой партийной среде, т.-е. для завязывания связи заграничной „Искры“ с местными партийными организациями в России, для выравнивания политической и организационной линии мест в духе идей революционной социал-демократии—в духе идей Ленина.

Тов. Бауман побывал тогда недолго в Москве, и из донесения московских охранников видно, что уже 2-го января 1902 года они наблюдают и за Бауманом и за приехавшим к нему по делу другим видным тогда агентом „Искры“, Виктором Крохмалем (последний стал впоследствии известным меньшевиком).

С этого времени с января 1902 года за Бауманом следят неотступно филеры охранки, едут в феврале того же года за ним в Киев, где Бауман останавливается и ночует в квартире того же Виктора Крохмаля, оттуда Бауман едет в Воронеж, по дороге замечает, что за ним следят, выскакивает из вагона в городе Задонске, чтобы спастись от шпиков, обращается за помощью к незнакомому местному врачу,[1]) в надежде, что тот укроет его как коллегу, но помощи со стороны врача не встречает, уходит пешком из Задонска и в селе Хлебном недалеко от Задонска его 11 февраля задерживают, арестовывают и привозят в Киев, куда свозили тогда всех агентов „Искры“ и где царское правительство готовило громкий процесс „Искры“. Но ни громкого, ни тихого процесса, как известно, не вышло за отсутствием обвиняемых, ибо таковые, в числе 11 человек, 18 августа 1902 г. убежали из киевской Лукьяновской тюрьмы.

Здесь в сжатом очерке не место останавливаться на подробностях этого знаменитого побега, вошедшего в историю нашей партии под названием: „Побега одиннадцати“.

Из помещаемых ниже в сборнике воспоминаний участников и документов выявляется полностью картина киевского побега.

Здесь, в этом очерке, нам хотелось лишь подчеркнуть, что по уверениям всех киевских беглецов, Николай Эрнестович

---

[1]) См. приложение.

Бауман был вдохновителем, организатором, душою всего дела побега.

Прибыв в первых числах сентября 1902 года благополучно за границу, Бауман опять входит в родную искровскую среду, где идет живая работа по подготовке второго с'езда партии, состоявшегося, как известно, в августе 1903 года, на каковой с'езд Николай Эрнестович получает мандат от Московской организации и участвует на с'езде под фамилией Сорокин. После с'езда и происшедшего на нем раскола Бауман решительно становится на сторону Ленина и начинает группировать вокруг себя временно очутившихся в эмиграции товарищей, российских работников, не успевших разобраться в сущности раскола, успешно доказывая им правильность большевистской—Ленинской линии.

Характерно для Баумана, что, несмотря на всю тяжесть обрушившегося тогда после 2-го с'езда на единую до того искровскую РСДРП раскола, он весь дышал энергией, заражавшей бодростью окружающих.

Лично передо мною сейчас, когда пишу эти строки, часто неотразимо встает такое воспоминание.

Глубокая осень 1903 года—приблизительно вторая половина ноября или даже начало декабря. В небольшом швейцарском пансионе на площади Пале, в Женеве, у меня в комнате сидят трое и горячо толкуют на тему о расколе партии и тех формах, в какие этот раскол вылился на недавно тогда состоявшемся с'езде „Заграничной Лиги русских социал-демократов". Один из них—изящный на вид европеец, поляк с тонкими чертами лица—тов. Шварц, он же Орловский, он же Влацлав Влацлавович Воровский, громко возмущается поведением меньшевиков на с'езде „Лиги", другой Владимир Бобровский, сильно волнуясь, говорит о тяжестях предстоящей нам по скорому возвращению в Россию работы в условиях разодранной на две половины РСДРП.

От настроения Влацлава Влацлавовича и Владимира Бобровского мне, только что приехавшей с российской работы и не успевшей хорошенько ориентироваться, не успевшей „определиться", т.-е. сделаться большевиком или меньшевиком, становится еще тяжелее на душе, но тут на выручку приходит

тов. Бауман, вся, ладно скроенная, фигура которого дышет жизнерадостной энергией и неподдельным весельем, несмотря ни на что.

В серо-синих глазах Баумана смех. Он кладет руку на плечо Владимира Бобровского и говорит, обращаясь ко мне: „вот, Елена (моя тогдашняя кличка), мы с Бобриком, как Вам известно, ветеринары, а меньшевики, чтобы подкопаться под нас, большевиков, говорят всем: „вы видите, кто примыкает к Ленину. К Ленину—к большевикам примыкают все ветеринары, а у нас, меньшевиков, настоящие человеческие доктора, у нас Федор Ильич Гурвич (Дан), он настоящий врач, а не какой-нибудь ветеринар“.

Не думаю, чтобы тогда кто-нибудь из меньшевиков мог приводить столь „веские“ доводы в защиту меньшевистской позиции, скорее всего Николай Эрнестович все это тут же придумал, чтобы рассмешить нас и рассеять хоть на минуту наши мрачные опасения за ближайшие судьбы партии, но после этой шутки Баумана всем нам стало легче и веселее. Мы много шутили и смеялись в тот вечер и больше всех смеялся Николай Эрнестович.

Теперь все трое, бывшие у меня тогда в комнате, ушли из жизни, каждый по-своему, но все до конца оставались верными большевиками—ленинцами. Все они здесь, в Москве, нашли могилу. Бауман—в отдаленном углу Ваганьковского кладбища, а теперь рядом с ним и Бобровский... Влацлав Влацлавович—на Красной Площади...

Тогда же в конце декабря 1903 года Николай Эрнестович был вновь отправлен Лениным для работы в Россию, для укрепления большевизма в Москве. Здесь в начале 1904 года Бауман является деятельнейшим организатором Северного Бюро ЦК. В состав Бюро входили: Бауман, Ленгник, Красиков (тогда его звали Август Иванович), Елена Дмитриевна Стасова и Гальперин (Коняга), теперь отошедший от партии.

Северное Бюро ЦК тогда имело укрепленным пунктом Смоленск, где сидел Ф. В. Гусаров из военной организации, и при нем же было техническое паспортное Бюро и такое же техническое паспортное Бюро было в Вильно, которым заведывал Н. Н. Клопов.

О работе Баумана в Москве в этот период многое можно узнать из рассказа старого иваново-вознесенского рабочего Николая Николаевича Кудряшова, записанного мною с его слов для сборника Истпарта: „Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области“, вышедшего к 25-ти летнему юбилею партии в 1923 году. Вот что удалось между прочим записать со слов Кудряшова.

„По приезде в Москву в феврале месяце того же 1904 г. тов. Кудряшов связался с Николаем Эрнестовичем Бауманом, кличка которого была тогда „Иван Сергеевич“.

Бауман был послан на работу в Московскую область большевистским заграничным центром вскоре после раскола РСДРП на втором с‘езде (1903 года).

Какова была в феврале 1904 года позиция Московского Комитета партии в целом — большевистская или меньшевистская — тов. Кудряшов точно не помнит, но помнит, что Бауман, входя в Комитет, старался завязывать связи с рабочими на стороне, среди которых хотел укреплять большевистскую линию. Связи эти, к слову сказать, были из рук вон слабы, до того слабы, что ему, тов. Кудряшову, работавшему потом в тайной типографии, приходилось не считаться ни с какими конспирациями, ходить на заводы и разыскивать связи при помощи своих личных приятелей рабочих. Так, он, например, связался впоследствии с рабочими завода „Густав Лист“, Серовым и водопроводчиком Сергеем Александровичем Чукаевым, и оба эти товарища оказывали незаменимые услуги.

В план Баумана входило прежде всего создать тайную типографию, где бы можно было печатать большевистскую литературу. Первая типография была им организована не совсем удачно, на скорую руку, на квартире у студента, живущего с женой на Плющихе, в церковном доме. Просуществовала эта типография не больше месяца, и, кажется, ничего не успела сработать.

В это время тов. Кудряшов по поручению Баумана ездил в Вильно и Смоленск за недостающими частями типографии, так как типография у студента на Плющихе, кроме того, что была не конспиративной, еще и не была снабжена самыми необходимыми принадлежностями, без которых работать было нельзя.

Через некоторое время тот же студент с женой, фамилии которых тов. Кудряшов не помнит, отыскал квартиру на Таганке. Квартира эта помещалась над пустым танцевальным залом, отчего было очень гулко, когда печатали. Вообще со студентом в виду его неопытности Бауман решил расстаться, а для того, чтобы студенту не было обидно, ему было сказано, что дело это вовсе ликвидируется.

Дом где жил т. Бауман и помещалась типография. Красносельская ул., д. № 39.

Тов. Кудряшов упаковал все в ящики и свез типографское имущество на день к какому то своему приятелю.

Но работы прерывать нельзя было. Каждый день был дорог, поэтому, впредь до лучших времен, решено было водворить типографию в квартире Баумана, т. - е. сам-то Бауман жил без прописки, квартиру снимала его жена (Надежда Константиновна Кузьмина [1]). Квартира была на Красносельской улице в доме № 39.

Работа производилась тов. Кудряшовым и женою Баумана, а сам Бауман все дни и вечера отсутствовал—был занят органи-

---

[1]) На самом деле Медведева.

зационной работой. Печатали листки, но каково было их содержание,—Николай Николаевич не помнит.

Ближе к весне Бауман поселился в Петровском парке, в Зыкове, на даче, а тов. Кудряшов со своей женой и ребенком снял квартиру по 2-й Вятской улице, куда перевезли и типографию, за Бутырской заставой, не особенно далеко от Зыкова; у Баумана поселилась девица из Питера под видом прислуги; прислуга эта, а также жена Баумана приходили к Кудряшовым работать. Одна, бывало, шумит на швейной машинке, чтобы производить впечатление, что здесь портняжная мастерская, тов. Кудряшов в это время печатает, другая помогает ему. Печатали максимум по 2 тысячи листков, при чем часто самим же работающим в типографии приходилось искать пути к читателям этих листков—к рабочим, и тут много помогали Серов от „Листа" и водопроводчик Чукаев.

Вскоре за дачей Баумана был установлен сыск; один день был такой, когда Бауман не решился выйти из своей дачи, чтобы его не арестовали на улице, поэтому послал свою „прислугу" к тов. Кудряшову, чтобы тот дал свой рабочий костюм, переодевшись в который Бауман надеялся с наступлением вечера скрыться; но так как запасного костюма у тов. Кудряшова не было, то он пошел к Бауману домой, там они успели обменяться костюмами, а ночью Бауман должен был скрыться.

По выходе из дачи Баумана в его костюме, в заграничной шляпе, за тов. Кудряшовым кинулись шпики, но ноги у него тогда были молодые, сильные, он обогнал шпиков и не был задержан на улице.

Зато Бауману выбраться незаметно из своей дачи в эту ночь не удалось: дача была окружена со всех сторон—и Бауман, жена его и „прислуга" были все арестованы. Таким образом тов. Кудряшов неожиданно оказался обладателем элегантного костюма Баумана, а Бауман сел в тюрьму в дрянном, грязном костюме тов. Кудряшова.

Отбоярившись от гнавшихся за ним по пятам шпиков, тов. Кудряшов отправился к себе домой, снял с себя костюм Баумана и напялил на себя какое-то, все же нашедшееся у него, рванье, и когда во всех прилегающих квартирах была облава—искали „скрывшегося прилично одетого господина в мягкой шляпе"—

то полиция, зайдя на квартиру Кудряшовых, где было грязно, бедно, даже не стала производить обыска и значит прошла мимо такой добычи, мимо типографии.

И так, опять тюрьма, третья по счету, при чем в первых двух было проведено два с половиной года предварительного заключения, а в промежутках: этап, ссылка, эмиграция, проживание в России по нелегальному паспорту и работа профессионала-партийца, а Бауману было ко времени третьего и последнего ареста всего лишь тридцать лет.

Хороший революционный стаж!

Дата и основание этого последнего ареста Баумана с точностью устанавливаются документом департамента полиции за № 2165 от 1904 года, в котором между прочим говорится:

22) Основания привлечения к настоящему дознанию. Сообщение Московского Охранного Отделения о том, что заграничный революционный центр в целях об‘единения деятельности отдельных организаций социал-демократической партии командировал своих представителей Николая Баумана и Артура Циглера, которые, войдя в сношение с представителями отдельных групп Северного района, занялись организационной работой.

23) Время привлечения к дознанию—2 июля 1904 г.

24) Место производства дознания—Московское Губернское Жандармское Управление.

25) Время и место обыска или ареста—19 июня 1904 г. в Петровском парке, в Москве.

26) Время первого допроса—2 июля 1904 года.

27) Что обнаружено по обыску—ничего явно преступного не обнаружено.

28) Принятая мера пресечения—содержание под стражей в Москве со 2-го сего июля.

Начальник Московского Губернского
Жандармского Управления генерал-лейтенант Шрамм.

№ 12119.
12 июля 1904 г.

В Департамент Полиции.

Всего лишь за три дня до последнего ареста Баумана 16 июня того же 1904 года опять „воспоследовало“ высочайшее повеление, на основании которого Николая Эрнестовича надо было бы водворить в ссылку в Сибирь на пять лет, но... „даны им были благие порывы, свершить их судьбой не дано“, ибо за это время беспокойный ветеринарный врач не сидел и не дожидался „высочайшего воспоследования“, а успел совершить еще целый ряд „преступлений“, которые заставляют министерство внутренних дел „приостановить дальнейшим исполнением изложенное высочайшее повеление“.

Приводим целиком послание товарища министра внутренних дел генерал-майора Рыдзевского министру юстиции:

д. № 2165, ч. 3. 7 дел-ва, 1904 г.
д-та пол. „О Николае Баумане“.

Секретно.

№ 5101.
31 октября 1904 г.

Господину Министру Юстиции.

На основании высочайшего повеления, воспоследовавшего 16 июня сего года в разрешение производившегося при Киевском Губернском Жандармском Управлении дознания „о преступной деятельности социал-демократической группы „Искра“ и „Киевского Комитета социал-демократической рабочей партии“, запасный ветеринарный врач Николай Иван Эрнестов Бауман за принадлежность к сказанным преступным организациям подлежит высылке в Восточную Сибирь сроком на пять лет с тем, чтобы приведением в исполнение означенной меры взыскания было оставлено в отношении Баумана без дальнейшего исполнения высочайшее повеление 12 декабря 1898 года. Высочайшее же повеление 16 июня сего года до сего времени в исполнение приведено не было, так как Бауман до разрешения о нем дела с 15 октября 1899 года скрылся за границу. Ныне Бауман, задержанный 19 июня сего года, привлечен при Московском Губ. Жандармском Управлении к новому дознанию по обвинению его в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 126 Уголовн. Уложения, каковое производством еще не окончено.

- Признавая соответственным приостановить дальнейшим исполнением изложенное высочайшее повеление в отношении Баумана, впредь до окончательного разрешения вновь возбужденного о названном лице расследования, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство почтить Вашим по сему делу заключением.

За министра Внутренних Дел
Товарищ министра, Свиты Его Величества
генерал-майор Рыдзевский.

Николай Эрнестович и раньше бодро и весело переносил тюремное заключение, потому что крепка была его вера в грядущую революцию, а попав последний раз в тюрьму—в Московскую Таганку—летом 1904 года, когда первая русская революция надвигалась вплотную, когда уже начинало чувствоваться самое дыхание грядущего 1905 года,—в такое время и вовсе не было основания унывать.

Несмотря на драконовские меры, принятые тюремной администрацией, чтобы изолировать беспокойного арестанта, тов. Бауман не только общается с политическими заключенными, но делается любимым „дядей Колей“ для уголовных арестантов.

Новые шестнадцать месяцев, проведенные в тюрьме, не накладывают никакой особо тягостной печати на жизнерадостную натуру Николая Эрнестовича, так как бодрый стремительный темп жизни передается и за тюремную решетку; воля к активной революционной борьбе еще больше усиливается, и выпущенный 10 октября 1905 года на поруки, впредь до суда, Николай Эрнестович опять на своем революционном посту. Всего лишь одна неделя проходит со дня освобождения из тюрьмы, в течение этой недели Николай Эрнестович в связи с изменившимися условиями знакомится с новыми формами и новыми методами партийной работы. Но вот и 17 октября и появление на свет мертворожденного царского манифеста.

Московский большевистский Комитет, на заседании которого присутствует и Бауман, решает утром 18 после митинга в Техническом училище отправиться демонстрацией освобождать заключенных из Таганской тюрьмы.

Тов. Бауман весь горит вдохновением, по выходе из Технического училища зоркий глаз его замечает у фабрики Дюфурманталя скопившихся там рабочих, и ему приходит мысль присоединить и эту группу рабочих к демонстрации, чтобы отправиться всем вместе к Таганке освобождать товарищей. Николай Эрнестович садится на извозчика, кто-то подает ему красное знамя, держа высоко знамя, он устремляется вперед и в этот момент падает, сраженный в висок куском водопроводной трубы из преступных рук российского фашиста, черносотенника и охранника Михальчука. . .

Видеть убитого Баумана лично мне пришлось 19 октября утром, так как сама была освобождена из московской Бутырской тюрьмы лишь 18 вечером.

В Техническом училище в нижнем этаже (кажется в столовой) лежал Николай Эрнестович, лежал на большом столе, покрытый белой простыней. Рядом со столом, где лежал Бауман, стоял небольшой столик, весь покрытый медной монетой, какая-то странная гора медных „копеечек", которые клали на стол совсем серые люди, когда подходили и кланялись в ноги убитому Бауману.

Про назначение этих медяков тут же в толпе шопотом некоторые говорили, что это дается на большую, большую свечку, которая будет поставлена Николаю Угоднику, так как имя пострадавшего за народ Баумана—Николай, другие говорили, что деньги эти даются на оружие, что из народных копеечек скопится сумма, необходимая рабочим, чтобы вооружиться, прогнать царя, помещиков и фабрикантов.

Вечером того же 19 октября (1905 г.) на Моховой в одной из аудиторий Университета сидели какие-то заплаканные женщины, была масса красного шелка, бархата и золотой парчи, из чего они шили огромное покрывало на гроб Баумана.

Назавтра 20 октября буквально вся, вся Москва хоронила Николая Эрнестовича Баумана, а московский пролетариат с того дня навсегда связал себя неразрывными узами с Московской организацией большевистской партии, поведшей его через ряд испытаний к другому октябрю—к победному октябрю 1917 года.

Ц. Зеликсон-Бобровская

26|VI—25 г.

О НИКОЛАЕ БАУМАНЕ.

Встретился я с тов. Бауманом в киевской тюрьме в 1902 г., когда меня впервые арестовали и привлекли по делу „Искры". Искровские дела были тогда сконцентрированы в руках жандармского генерала Новицкого после того, как ему удалось выследить киевского представителя „Искры" Крохмаля и открыть все явки, адреса для писем и шифр последнего. Таким образом, генералу Новицкому удалось проследить и „ликвидировать" (арестовать) почти всех участников, приехавших, со всех концов необ'ятной тогдашней России, на совещание или конференцию искровцев. Тов. Бауман тоже приехал на это совещание, кажется, из Москвы. Когда он заметил слежку, то сейчас же оставил Киев, но и в поезде он заметил слежку за собой. Чтобы отделаться от шпиков, он не то выпрыгнул из поезда, не то вышел на маленькой станции в незнакомой для него местности. Как врач, тов. Бауман думал, что лучше всего для него в его положении обратиться к местному врачу за помощью, но последний, некто доктор Вележев, приняв тов. Баумана очень любезно, сейчас же сообщил о нем полиции, и тов. Баумана водворили в Лукьяновскую тюрьму, где уже сидели почти все участники совещания искровцев. Тов. Бауман по сравнению со мной был уже стариком не так по летам своим, как по революционной деятельности. До киевского ареста он отсидел 19 месяцев в Петропавловской крепости, после чего он был выслан в город Орлов Вятской губ. на 4 года.

Когда меня перевели в киевскую тюрьму, я попал в тот же коридор, где сидел тов. Бауман, он мне рассказывал о своем сидении и о тех мытарствах, которые он пережил в этапе, следуя в Вятку. Не трудно было просидеть в одиночке крепости, но труден был этап, где каждый, кому только не лень было, мог издеваться над личностью этапников,—человек превращался в грязное животное. В этапе было тесно, вонь, грязь, тьма паразитов и в воздухе висела все время ругань. Я бы лучше, рассказывал тов. Бауман, согласился дольше сидеть в тюрьме, чем итти по этапу. Я тогда сидел в первый раз. Хотя меня арестовали в Вильно и отправили в Киев, но я был перевезен не этапным порядком, а ехал в сопровождении двух жандармов, поэтому рассказ тов. Баумана был для меня еще неиспытанным переживанием. В последующие годы, когда приходилось на своей спине испытывать царский этап, я вспоминал рассказанное тогда в Киеве тов. Бауманом.

Тов. Бауман был душой политического корпуса Лукьяновской тюрьмы. Он принимал деятельное участие в дискуссиях, которые велись на прогулках с с.-рами и экономистами, он руководил всеми затеями политиков на прогулках: игрой в городки, хороводом и другими играми. Когда велись подготовительные работы к побегу 11 политиков, то он принимал самое деятельное участие. Перед побегом между участниками его были распределены роли и несколько раз были произведены репетиции. Тов. Бауману было поручено организовать увеселение для гуляющих политиков, чтобы они не разбрелись по камерам (в середине августа по вечерам бывало холодновато, поэтому публика неохотно выходила на прогулку), что могло дать повод тюремной администрации сократить прогулки (политики тогда гуляли в Лукьяновской тюрьме с утра до темноты). Кроме того, необходимо было, чтобы надзиратели привыкли к шуму во время прогулок; поэтому тов. Бауман организовывал почти каждый день хоровод, а он сам танцовал и лупил в жестяной „барабан“. Благодаря шуму, который тов. Бауман устраивал, стало возможно благополучно совершить побег, который удался как нельзя лучше. При желании политических заключенных весь политический корпус мог бы покинуть тюрьму в этот вечер.

Шутя, тов. Баумана политические заключенные называли „балерина“. Однако, несмотря на то, что тов. Бауман был руководителем всех игр и всех проделок на прогулках, он на совещаниях искровцев или в спорах с идейными противниками выступал серьезно, солидно и с вескими доводами.

В киевской тюрьме в 1902 г. сидели активнейшие работники „Искры“ из разных городов России. В Лукьяновке сидеть было тогда весьма привольно: можно было гулять целый день, книги можно было достать, какие угодно. Получались ежедневно газеты и все заграничные и русские нелегальные органы всех партий сейчас же по их получении в Киев. Переписка с волей была организована великолепно. Киевляне имели частые свидания с родными и знакомыми. Но, несмотря на все привольности, сидеть было невыносимо, ибо революционное движение в России шагало гигантскими шагами, а пролетарской единой централизованной партии еще не существовало. „Искра“ и искровцы тогда только работали над созданием партии.

Во время нашего сидения были крупные студенческие беспорядки в Киеве и в других университетских городах, крестьянские беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях и крупные рабочие забастовки в разных частях России. Эти обстоятельства вынудили искровцев, сидевших в Лукьяновке, составить план побега. Из всех искровцев (их было человек 50—60) согласились принимать участие в побеге лишь 11 человек, из которых 10 действительно бежали. Тов. Бауман был самым деятельным организатором и инициатором этого побега.

Осенью 1903 г., через год после побега, я вновь встретил тов. Баумана в Женеве перед с‘ездом заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. Членами „Лиги“ были активные искровцы, которые выполняли те или иные партийные функции, возложенные на них редакцией „Искры“, или товарищи, которые временно находились заграницей после побегов из ссылки или тюрьмы. К последней категории принадлежал тов. Бауман. Так как с‘езд „Лиги“ должен был состояться после 2-го с‘езда партии, на котором искровцы раскололись, то с‘езд „Лиги“ обещал быть (и действительно был) весьма бурным. Члены „Лиги“, приехавшие на с‘езд, разделились на сторонников большинства и меньшинства 2-го

с‘езда партии. Фактическим организатором сторонников большинства с‘езда „Лиги“ был тов. Бауман, на квартире которого у нас бывали совещания и составлялись заявления и всякие документы по поводу с‘езда „Лиги“. В 1904 г. тов. Бауман вернулся в Москву, где ему удалось долго проработать.

До самой своей трагической смерти он остался революционным марксистом—твердокаменным большевиком.

2. 6. 25.

Осип Пятницкий.

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН.

Дела давно минувших дней. Почти двадцать один год прошел с тех пор, как я в первый раз встретился с тов. Бауманом. То было на юге, в Киеве, в Лукьяновской тюрьме.

Когда в середине февраля 1902 года меня привезли из Москвы в это узилище, я там застал его вместе с другими товарищами „искровцами" в количестве 9-ти человек. Помимо них, как можно легко догадаться, в этой огромной тюрьме сидело немало еще народа. В нашем одиночном мужском корпусе было до сорока человек. В главном сидела все больше случайная „политика"—рабочие-массовики и студенты, забранные то на демонстрации, то на массовке в лесу, и т. д.; количество политических заключенных главного корпуса постоянно колебалось, но, как помню, никогда не спускалось ниже восьмидесяти. Был еще женский политический корпус, далеко от нас расположенный, равный нашему по помещению, где сидели важные и неважные товарищи женщины, „политики". Сколько было товарищей женщин, не припомню сейчас, но кажется не меньше, если не больше, чем нас, мужчин, на нашем мужском. Было много и уголовных; те сидели в главном корпусе, где помещалось и пересыльное отделение. Уголовщина исчислялась, как помню, сотнями.

Лукьяновка была целым поселком, и жизнь в ней кипела ключом. Вечный неумолчный шум и гам от человеческого муравейника, превращавшегося порой неожиданно в настоящую бурю звуков, когда „политика" не выдерживала и устраивала шумные обструкции протеста против своего заключения с битьем стекол, с таранными стуками по запертым дверям камер.

В этом-то своеобразном поселке я и встретил Николая

Эрнестовича. Члены группы из девяти искровцев, к которой он принадлежал, незадолго до моего прибытия были свезены в Лукьяновку чуть не со всех концов „Российской империи". Это был всероссийский провал: агенты заграничного центра нашей партии—агенты „Искры". Жандармам предстояло большое дело и награды. Называю их искровцами условно, ибо я сам исповедывал ту же веру, что и они. Но я, как и остальные товарищи, бывшие в то время в Лукьяновской тюрьме, были местными партийными работниками, а они несли общепартийную работу. И если я был привезен из Москвы, то только потому, что туда я пытался скрыться из Киева, где работал в качестве члена Киевского комитета. Наш мужской корпус жил своею обособленной от других корпусов жизнью. У нас, как и во всей тюрьме, двери всех камер от утренней до вечерней поверки были открытыми, и мы жили своей коммуной со своим старостой, общим коммунальным питанием. Целые дни то ходили в гости друг к другу, то коротали время на своем довольно тесном дворе, где порою устраивали общие шумные игры, порой проводили время за общими беседами, устраивали хоровое пение и т. п.

В такой обстановке легко было узнать друг друга. И среди всех товарищей как с местной, так и с центральной работы, Н. Э. Бауман выделялся одной особой чертой.

В те времена, когда более или менее ответственные партийные работники вели свою партийную родословную с конца или даже с середины 90-х годов, в настроениях, в обликах многих и многих из нас было много черт только что минувшей поры народовольчества, несмотря на наши самые твердые марксистские основы.

В партийных верхах, вплоть до местных, как теперь мы их называем, комитетов, господствовали с.-д. интеллигенты. Облик партийца-интеллигента со всеми его положительными и слабыми сторонами был господствующим обликом тогдашнего партийца-подпольщика. Н. Э., будучи человеком с высшим образованием и имея все основания носить это интеллигентское обличие,—был счастливым исключением из общего правила. В нем не было никаких интеллигентских „настроений". Не было и следа душевной расхлябанности. Он был прирожденным, твердо-

каменным большевиком, каковым он стал на другой день после раскола партии. Он был таким не только по своим убеждениям, но и по своему нутру, по своему духовному складу. Верный товарищ, коренной партиец-подпольщик, он нес с собой, помимо горячей веры в дело, за которое он отдал свою жизнь, бодрость, смелость, неутомимость, жизнерадостность. Будучи сыном мастера (немца), Николай Эрнестович, вопреки предуказанию судьбы, по случайному обстоятельству (жена его была из богатой семьи), никогда не нуждался материально, и, будучи на свободе, использовал это во славу конспирации—мог одеваться не только прилично, но изысканно, что в те времена очень и очень помогало заметать следы. Он не стеснялся своего „богатства“, что обязательно бы сделал на его месте чистокровный интеллигент. Он только использовал его во всю, щедро помогая товарищам и партийному делу.

Прозвали в тюрьме мы его „балериной“. Ловок, гибок, силен он был и умел в минуту бесшабашного веселья, которое порою налетало на всех нас, ловко подражать танцам балерины.

Товарищи-искровцы вскоре после своего ареста задумали бежать из тюрьмы. В один из самых прекрасных дней всей моей жизни, один из них в качестве дежурного по с'естной кладовой, разрезал вместе со мною, тоже дежурным, колбасу на кусочки по восьмой фунта на брата, на ужин для всех товарищей нашего корпуса (на ужин у нас шли все передачи с воли), шепотом сообщил мне о плане побега и предложил мне присоединиться к ним. Бурно забилось сердце от радости. Согласие дал, не колеблясь. . . Готовились бежать вечером с вечерней прогулки, прямо через стены двора. Собирались бежать в мае месяце. Но случилось несчастье: один из группы искровцев во время наших игр сломал ногу. Долго ждали, чтобы зажила его нога. И как теперь помню, назначили побег на вечер 15 июля. Все было готово. Тюремных сторожей в течение месяца мы постоянно угощали то вином, то спиртом, чтобы в нужный день вместе с дозой спирта угостить их дозой снотворного.

Времена были деликатные, нужно было усыпить стражу, но не до смерти. Чтобы знать, как это сделать, в городе был специально для этого врач, свой человек, который снабжал нас

снотворным зельем. И мы, чтобы не усыпить навеки стражу, решили испытать это зелье на себе. Подсыпали потихоньку снотворного лекарства участникам будущего побега (меня, вероятно, по причине моей нервозности исключили из числа тех, над которыми производили эти опыты), давали просто пить. Долго ничего не выходило: ничем нас не усыпишь. Наконец—удача. Хорошая доза хлорал-гидрата усыпила одного из нас, и он, как по писанному, крепко и скоро заснул ровно на полчаса, как предсказал врач. Нам больше и не нужно было. Во всех приготовлениях Николай Эрнестович принимал самое горячее участие. Из простынь свили веревки для лестницы, на перекладки пошли ножки от венских стульев из камер. Достали с воли якорь „кошку", к которой прикрепили лестницу. Научились строить „пирамиду", двое внизу, один к ним на плечи, а четвертый к нему на плечи и руками уже мог лечь на самую стену и забросить „кошку", зацепив ею за наружный карниз стены. Все было готово. Но семь раз пытались, семь вечеров выносили всю музыку на двор, и всегда что-нибудь мешало. Наконец, 18 августа того же 1902 года, в 9 часов темного вечера, все удалось. Напоили двух сторожей внутри коридора: один заснул, другой очумел. Наружному, что был с ружьем, дали стакан со спиртом и с этой гадостью (пробовал я одну каплю выпить, и показалось, что мне кто-то гвоздь в горло воткнул, так обдирало глотку это питье). Выпил полстакана—больше не мог. Плохо выходит. Напали на него, отняли ружье, связали кое-как, не умели. Заткнули рот платком. Через минуту, как отошли, он уже рот освободил, и кричит не своим голосом: „Ратуйте, ратуйте". И так не унимается, но мы со всеми другими товарищами приучили тюрьму и не к таким крикам. Никто и внимания на этот крик не обратил. Я шел по списку последним. Видел, как каждый взбирается по лестнице и затем там на верху стены пропадал во мраке ночи неизвестно куда. Всякий шел своей ухваткой. Кто быстро, кто с остановкой. И лучше, красивее всех, взобрался и исчез т. Бауман. Когда я в эти минуты напряжения всех человеческих нервов наблюдал за всеми мелькавшими перед мною при тусклом свете тюремного фонаря фигурами товарищей, движения Баумана мне показались взмахом крыльев легкой птицы. Последним

спустившись по канату наружу во тьму кромешную, я, обладая достаточно длинными и в те годы быстрыми ногами, скоро догнал Баумана, ушедшего одним из первых. Только что сговорились с ним итти дальше вместе (уже в черте города, тюрьма за городом,—десять минут моего тогдашнего бега), вдруг послышался стук дрожек по мостовой. Подумали—погоня. А погоня уже была, как только мы все перебрались через стену, в ту же минуту часовой, которого мы связали, добрался до винтовки ползком и выпалил из нее.

Бауман подсел под какой-то мостик, я залег в ров (тут было шоссе, которое являлось границей города). Шум пролетки затих, вылезаю. Баумана и след простыл. Всякими путями спасались мы потом. Все мы благополучно добрались, провалился лишь бежавший с нами славный парень рабочий, по партийности тогда эсер. Уже через пару недель собрались мы все, беглецы, в Цюрихе, в Швейцарии, и отпраздновали свое освобождение маленькой дружеской пирушкой в ресторане „Под золотой звездой". Рассказывали мы друг другу о своих скитаниях. Кое-кого из нас, и меня в том числе, товарищи не узнали: из блондинов мы перекрасились в брюнетов. Бауман не красился. Прямо после побега забрался он к своему знакомому адвокату—сочувствующему. Жил адвокат в Киеве в шикарной квартире. Был одинок, и во всем доме, кроме него, был только лакей его—верный человек. Две недели прожил тов. Бауман у этого адвоката, как говорится, как у Христа за пазухой. Отдыхал, от'едался после тюремного недоедания и целыми днями читал, была у того адвоката хорошая библиотека, а потом, обрившись, сняв свою большую бороду и одевшись щеголем, нанял лихача и прямо открыто поехал на Киевский вокзал, купил билет первого класса до Вильно, и был таков. Кто посмел бы тронуть барина, да еще немца по виду? Кто мог догадаться, что это не барин и не немец, а всего на всего политик, беглый арестант? В Цюрихе он оставался недолго. Встречался затем я с ним часто в Женеве, уже в конце лета 1903 г. Он все так же сиял здоровьем, молодостью, жизнерадостностью, приветливостью. Молоды мы все были, беглецы киевские, как на подбор: почти все мы были одногодки. И было каждому из нас по 28 лет от роду. Хорошие года. . .

Вернулись той осенью в Женеву товарищи со второго с'езда нашей партии и узнали мы, киевляне, про раскол и сами раскололись чуть не на второй день после их приезда. Часть пошла за Мартовым, за меньшевиками; другая, наша часть—за Лениным, за большевиками. Тов. Бауман, рожденный быть революционером, сразу оказался, конечно, с большевиками, с Лениным. Скоро уехал я в Россию, на работу на Кавказ и потерял из виду Николая Эрнестовича. Везли меня потом этапом из Бакинской тюрьмы в Архангельскую ссылку осенью 1905 года. В Ростовской тюрьме этапная остановка. Сидим неделю, другую, не везут дальше. Слышим: забастовали железные дороги, ну, а потом и пошла писать губерния. Вышел царский манифест, стали всех выпускать, но меня с одним товарищем не освободили. Сидим и видим—сначала за стеной наша победа. Диву даемся, чего же нас не выпускают. А потом поняли, три дня город был в зареве черносотенного погрома. Вот тут-то, сидя еще в Ростовской-на-Дону тюрьме, в один ужасный день слышим, кричит кто-то с воли: „в Москве Бауман убит".

Через пять дней выпустили нас. Приехал я в Москву и узнал все подробности гнуснейшего убийства его, тов. Баумана, всю жизнь шедшего впереди других, боровшегося за великое дело освобождения пролетариата, в час, когда пролетариат поднялся и рвался вперед к светлому будущему, его, Баумана, сразила рука презренного холопа, рука верного сына полицейского участка. Иногда художники в образах дают нам картину борьбы добра со злом. Но никто из них не превзошел в своем творчестве того, что дала нам жизнь в тот день,—верный солдат пролетарской революции, всегда, во все дни своей короткой жизни, бывший на своем опасном посту, погибает со знаменем в руках от удара железной дубины подлого охранника.

Бауман умер 17 лет тому назад, действительно же он жив и своей геройской смертью продолжает свою неустанную работу, свой призыв к непримиримой ненависти к эксплоататорам, к миру капиталистического рабства.

Владимир Бобровский.

(„Пролетарская Революция" № 9, 1922 г.).

I.

ПОБЕГ ОДИННАДЦАТИ [1])

Описываемый побег замечателен не только по количеству своих участников, но и по обстановке, при которой он совершился (почти на виду у тюремного начальства). Смелость и вместе с тем простота замысла делают его совершенно исключительным. Кроме того, он счастливо нарушил долгое „воздержание“ от побегов, наблюдавшееся в Киеве. По подсчету генерала Новицкого, за четверть века, 1878—1902 гг., из местной тюрьмы бежали пять раз, включая и последний. Первыми бежали в 1878 г. Дейч, Стефанович и Бохановский, сидевшие в киевской тюрьме по Чигиринскому делу, бежали, выведенные ночью на волю мнимым надзирателем Фроленко, поступившим для этой цели в тюрьму на службу и приобревшим доверие тюремного начальства.

Вслед за ними год спустя сделали попытку бежать, правда, неудачно, Беверлей и Избицкий. Через сделанный уголовными арестантами подкоп под тюремную ограду они успели уж выбраться из тюрьмы, но всего на расстоянии 400-х шагов от нее один из беглецов, Беверлей, был настигнут выстрелом часового и убит наповал; другого же, Избицкого, подоспевший караул тотчас задержал во рву за тюрьмой.

В 1882 г. бежали дважды: сначала Василий Иванов (народоволец—впоследствии Шлиссельбургский узник), которого, по примеру Фроленко, вывел из тюрьмы начальник военного караула, поручик Тихонович, позже—Владимир Бычков, опять-таки с помощью надзирателя, подставившего ему плечо, чем дал возможность беглецу взобраться на тюремную ограду и спрыгнуть по ту сторону ее. (Через несколько лет Бычков был опознан в Томске и задержан, но при аресте застрелился).

Пятым через 20 лет был побег одиннадцати, который назван Новицким „массовым, какого не бывало“.

---

[1]) Побег одиннадцати освещен частично в воспоминаниях Нетесина (сбор. „Каторга и Ссылка“ Киевск. о-ва политкаторжан) и в воспоминаниях Бобровского о Баумане (сб. „Братская могила“ и „Пролет. Рев.“ № 9). Настоящий очерк, составленный по материалам судебных и административных органов, рисует знаменитый побег в разрезе тюремной обстановки и дает отражение этого события в жандармско-следовательском мире.

Для составления очерка использованы след. материалы: 1) Дело б. прокурора Киевск. Суд. Палаты. 1903 г. № 415, 2) Дело б. киевск. жанд. упр. за 1902 г. № 47 и 3) Дело б. киевск. губернатора за 1902 г. № 169.

„Летопись Революции“ № 4, Гос. изд. Украины, 1924 г., стр. 195.

...Был он совершен 18 августа 1902 года, в $8^{1}/_{4}$ ч. вечера. Политические заключенные находились тогда в т. н. „прогулочном" дворе, слабо освещенном одним только тусклым фонарем; вечер к тому же выдался темный и ненастный. „Прогулочный" двор граничил с внешним миром двумя высокими каменными стенами; изнутри же он окаймлялся стеной тюремного здания и в ней один из выходов вел непосредственно в мужское политическое отделение. Таким образом, из него заключенные быстро попадали во двор и последний кишел ими, что облегчало за шумом возможность незаметно подготовиться в решительную минуту. В конце двора, у фонаря, стоял одинокий часовой, со своего поста наблюдавший за всем, что происходило впереди него.

Бывшие на прогулке политические заключенные затеяли игру в городки (по справедливому мнению Новицкого, для отвода глаз). Чтобы убрать со двора тюремную администрацию, исключая, конечно, часового, с присутствием которого нужно было мириться, но который был бы обезврежен другим способом—помощник начальника тюрьмы, Сулима, заведывавший политическим отделением, был позван к заключенному Петренко, якобы для переговоров о кассовой книжке, которую Петренко должен был получить. Петренко в ту минуту тоже находился во дворе и, как потом припоминал в своих показаниях Сулима, был очень взволнован. Он сразу повышенным тоном стал выражать свое неудовольствие из-за неполучения кассовой книжки и, идя вместе с Сулимой, в запальчивости разговора, все как-то становился перед ним, будто преграждая ему путь. А Сулима направлялся к часовому... Ничего не подозревавший в ту минуту Сулима, желая прервать об'яснение с возбужденным Петренко, повернул обратно, снова в середину двора, где густели кучки гуляющих, но тут подбежал к нему политический староста Гурский и заявил, что его просит наверх, в здание, заключенный Банин. Сулима послушно направился туда, за ним Гурский. Но на первом же этаже Гурский, словно вспомнив о чем-то неотложном, вдруг сказал:

— Ах, позвольте, я сию минуточку...—и повернул обратно. В то самое время, когда Сулима выслушивал Банина, удерживавшего его возле себя, с прогулочного двора совершен был побег.

К часовому Аверченко, по рассказу последнего, подошел политический Валлах, которого товарищи звали „папаша", и схватил его за шею, а вслед за ним другие, человек шесть или больше, в одно мгновение накинули ему на голову одеяло, висевшее тут же на заборе для просушки, повалили на землю, заткнули рот платками и, навалившись, держали в таком положении минут 6—10. Когда же Аверченко почувствовал, что его оставили в покое, он вскочил и, дико озираясь, успел увидеть перед собой в темноте неясные фигуры разбегавшихся по камерам заключенных. Тогда он выстрелил. Оторвавшись, наконец, от Банина, Сулима на неожиданный выстрел кинулся вниз, и мимо него, запыхавшись, пробежал кто-то из „политических" (кто именно—Сулима в темноте не разглядел).

— Что там такое?...—спросил Сулима.

— Да пустяки!—на ходу, скрываясь за поворотом лестницы, уронил ему тот.—Там стол опрокинули.

1-й ряд, слева направо: Гурский, Валлах, Бобровский, Бауман, Пятницкий и Басовский.
2-й ряд, слева направо: Гальперин, Блюменфельд, Мальцман, Крохмаль и Плесский.

Сулима все же спустился вниз. На прогулочном дворе никого уже не было,—один только Аверченко стоял на своем месте. А на большом дворе надзиратель Беспечный раскачивал „колокол“—звонок, проведенный в надзирательскую комнату и приводимый в действие лишь в минуты тревоги. Сулима бросился к часовому, и тот прерывающимся голосом, взволнованный, стал рассказывать о совершившемся побеге и указывал на веревочную лестницу, переброшенную через стену.

Где же были остальные из тюремной администрации?... В тот день по тюрьме полагалось четыре дежурных: помощник начальника (Федоров) и 3 надзирателя; из них двое (Рудинский и Войтов) специально по политическому отделению. Но Федоров закончив, по его словам, проверку и надеясь, что „политические“ тотчас же разойдутся, спокойно ушел пить чай домой (он жил при тюрьме); что до надзирателей, то один был занят в тюремной больнице, двое же других оказались в невеселом положении после побега. Оказывается, Рудинский был немного „выпивши“. Правда, он утверждал, что выпил дома, да и то лишь „сотку“, и чувствовал себя совершенно трезвым. Большую часть дежурства он стоял у входных дверей, наблюдая за прогулкой „политических“, но за несколько минут до побега его кто-то позвал наверх открывать чью-то камеру. Еще в худшем состоянии был Войтов. Его долго не могли найти. В конце концов он отыскался в камере одного из бежавших (Мальцмана), на кровати последнего спящим лицом вниз, в полной форме, с револьвером. Камера оказалась запертой, ключей не было; нашли их, наконец, у ретирада. Когда Войтова стали подымать с кровати, он так был пьян, что совершенно не держался на ногах, и трое дюжих надзирателей стали волочить его из камеры. Но Войтов отбивался и бормотал что-то бессвязное. Тогда его отпустили, он грохнулся на-земь; и так как дело происходило у самой лестницы, то достойный страж покатился вниз по ступенькам, разбивая себе лицо. Его подняли и понесли в посетительскую, где он проспал до самого утра.

II.

ПОРЯДКИ В ТЮРЬМЕ И ТЮРЕМНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

В 8 ч. 40 м. вечера того же 18-го августа Новицкий был извещен по телефону и. д. начальника тюрьмы Крамалеем о побеге и на свои вопросы—сколько бежало... когда.... каким образом... получил неопределенный ответ.

— Еще неизвестно, как учинен побег и кто бежал, но много... Этот ответ Новицкий сообщил в своем обширном донесении в д—т полиции, с явной целью сразу же бросить тень на тюрьму.

Немедленно он дал знать о случившемся губернатору,—тот, оказывается, ничего еще не знал,—и прокурорскому надзору; отправил на Киевскую ж. д. станцию одного из своих ротмистров; разослал депеши о поимке беглецов

и, рассеяв по городу филеров и жандармов, поехал в сопровождении двух своих офицеров в тюрьму. Тут предоставим слово самому Новицкому:

„Отправившись с двумя своими офицерами на место, где арестованные совершили побег, я нашел... прогулочный двор освещенным одним лишь тусклым керосиновым фонарем, у которого стоял часовой, молодой младший тюремный надзиратель Аверченко, с избитым лицом. В конце прогулочного двора, недалеко от поста часового, находилась висевшая на тюремной ограде самодельная лестница, свитая из кусков тюремных простынь, с тринадцатью ступеньками, прикрепленная железной кошкой к тюремной ограде, высотою выше 6 аршин. Около лестницы висела, скрученная из простынь же, веревка с узлами, которая служила подспорьем при взбирании на лестницу. Ступеньки были не только из простынь, но также из ободов венского стула и кусков дерева... Затем я направился в тюремную контору, для установления личностей и числа бежавших, но по дороге встретил г. губернатора, с ним вместе обозрел место побега".

Наконец, Новицкий попадает в тюремную контору, и тут перед ним раскрывается картина какой-то хаотической неразберихи:

„Я обратился (продолжает он) к г. тюремному инспектору Лучинскому и чинам тюремной администрации с просьбой дать мне список бежавших, но никто из них еще определенно не знал, кто именно бежал и сколько; при чем Сулима заявил, что бежало 10, а Федоров уверял, что убежало 11. Кроме того, в поданной мне заметке о бежавших значилась фамилия „Бемснерельд", между тем как такого политического арестанта в действительности нет и не было. Вследствие этого, чтобы установить точно, кто именно бежал и сколько, я распорядился о производстве фактической проверки всех политических арестантов... при чем из 64 лиц (51 мужч. и 13 женщ.), состоящих по списку к 18 августа, оказались на лицо только 53, остальные 11, а именно: Иосиф Басовский, Николай Бауман, Иосиф Блюменфельд, Владимир Бобровский, Макс Валлах, Марьян Гурский, Левик Гальперин, Виктор Крохмаль, Борис Мальцман, Болеслав Плесский и Иосиф Таршис— бежали.

При производстве проверки было, между прочим, замечено следующее: в камерах, на подоконниках были устроены из досок сидения, для переговоров с политическими арестантами другого — противоположного — корпуса здания... Коридоры в политическом отделении были тускло освещены... и чтобы делать отметку в списке гг. офицеры должны были обращаться к арестантам, чтобы они подносили к дверям свои лампы. Сулима, заведывающий специально „политическими", когда подходил к камерам, то спрашивал арестантов, кто помещается в данной камере, так как он не знал даже, где и кто содержится; списка же с обозначением, кто в какой камере находится, у него не было... Поэтому, когда встречалась поверявшим офицерам пустая камера, оставленная бежавшими, то капитан Сулима, чтобы знать, кто в этой камере содержался, обращался за справками в соседнюю камеру к самим арестантам, при чем один из них сказал, что он не обязан знать, кто занимает соседнюю с ним камеру...

Проверявших сопровождал тюремный надзиратель Рудинский, который, как заметили офицеры, был выпивши, при чем на вопросы отвечал бессвязно и, отвечая ротмистру, титуловал его „Ваше Превосходительство". Когда же ему было предложено зажечь лампы, так как нельзя производить проверку в темноте, то он ответил, что не знает, где они..." Всякую мелочь не упускает Новицкий в своем донесении, чтобы отчетливее представить картину беспорядка в тюрьме и усилить впечатление.

Но это еще не все.

„Тюремным начальством в момент обнаружения побега арестантов и после него никаких распоряжений, кроме сообщения по телефону властям не было сделано, и оно ограничилось лишь легким осмотром места побега и стены с наружной стороны; тюремные надзиратели, находившиеся в наличности для розыска, задержания, преследования бежавших, высланы из тюрьмы не были, а только лишь два надзирателя были отправлены на вокзал для сообщения о побеге арестантов ж. д. полиции. Г. тюремный же инспектор Лучинский находился в конторе тюрьмы и никаких внутренних распоряжений не сделал, относясь совершенно спокойно и безучастно к делу побега; даже наличность арестантов не была проверена, тюремные надзиратели не были осмотрены; не были осмотрены не только камеры, но даже таковые не были охранены до прибытия судебного следователя... И когда я спросил, запирались ли коридоры и камеры после вечерней поверки на ночь, он ответил в присутствии офицеров, что нет, не запирались, и арестованные гуляли и после поверки во дворе, часов до 9—10 вечера, о чем он только-что узнал, а также только-что узнал, что прогулки производились не по коридорам, как это было согласовано со мной, а все арестанты выпускались одновременно вместе из разных камер и коридоров"...

Мягкость тюремного режима для „политических" сказывалась не только в этом. Коридоры и камеры вообще не запирались в течение целого дня, и заключенные пользовались свободой передвижения. По камерам они размещались сами и переселялись из одной в другую по своему усмотрению. О сооружениях на подоконниках для переговоров с противоположным корпусом уже упоминалось; кроме того, в камерах допускались на собственные средства столики, венские стулья, табуреты и пр. По словам одного из надзирателей (Гуковского), среди политических водились „запрещенные" книги, и Крохмаль всегда читал своим товарищам заграничные газеты...

Вообще, в тюрьме они представляли собою некую колонию, вольно самоуправляющуюся, если только можно говорить о воле за тюремной решеткой. Был „староста" (выборный, до побега—Гурский), который обходил все камеры „политических", также женские. Он ведал пищей, особо приготовляемой для них на тюремной кухне, наблюдал за мойкой белья...,— одним словом, брал на себя удовлетворение мелких, но насущных нужд тюремной повседневности. Заведующим политическим отделением, капитаном Сулимой, поддерживались дружеские отношения, — правда определенной ценой. Новицкий аттестует его перед д-том полиции, как „совершенно испившегося водкой, трясущегося алкоголика, который получил место

в тюрьме благодаря протекции родного брата, киевского врачебного инспектора". „Капитан Сулима (продолжает Новицкий) представляет собой отпетого пропойцу; нужно было не мало удивляться тому, что ему могла быть предоставлена какая-либо должность, по его слабости к спиртным напиткам, а не только что специальное заведывание в тюрьме особым политическим отделением".

И этой слабостью капитана Сулима пользовались... Тот же надзиратель Ситковский, прослуживший в тюрьме 12 лет, нелюбимый, по его словам, на „политической половине" за то, что он все высматривал и ко всему прислушивался—этот Ситковский показывал, что видел не раз, как капитан Сулима пил с арестованными ром и коньяк. На прогулке он ходил с арестантами под руку и все разговаривал о чем-то; вообще он с ними „таскался", и ему, Ситковскому, было обидно смотреть, что русский чиновник так „цацкается" с политическими арестантами" (Из показания Ситковского).

В вечер побега, когда Новицкий со своими офицерами обходил тюрьмы, какой-то надзиратель обратился к одному из ротмистров с таким заявлением:

— Что же, В. в-ие? Нужно было ожидать, что арестанты уйдут...

— Почему?

— Да так... Политические гуляют до 10 часов вечера и позже, с ними обращаются по-дружески, и даже сам капитан Сулима у них на посылках.

И заключенные настолько освоились со своим положением, что, оказавшись запертыми после побега, они стали выражать неудовольствие, стуча в двери, и звонили, и жандармское обследование тюрьмы шло под непрерывный, неистовый звон по всем коридорам и громкие возгласы из камер:

— Долго ли нас будут держать запертыми?

Любопытно отметить, что киевский тюремный режим или, как в своем донесении выражается Новицкий, „полное отсутствие законного порядка", повидимому, представлялся не только местным явлением. Новицкий приводит следующий факт:

„В бытность мою", рассказывает он, „в С.-Петербурге в мае м-це (1902 г.) я предшественнику В. Прев-ва (т.-е. прежнему д-ру департамента полиции Зволянскому [1]) выразил опасения за возможные побеги арестантов из тюрьмы, на что получил от тайного советника Зволянского ответ в такой форме:

— Напрасно вы беспокоитесь... Известно, что с тех пор, как тюрьмы перешли в ведение министерства юстиции, не только в киевской, но и во всех остальных тюрьмах порядок отсутствует"...

В Киеве дело „ухудшилось" тем, что тюремная администрация не соответствовала, по мнению Новицкого, своему назначению. Его отзыв о капитане Сулиме я уже приводил; о начальнике тюрьмы Малицком, как раз накануне побега отлучившемся в Бердичев и вернувшемся лишь на другой день,

[1]) В период побега директором д-та полиции был Лопухин, впоследствии сосланный в Сибирь в связи с разоблачением Азефа.

Новицкий сообщает, что жена Малицкого имеет в Бердичеве большую торговлю железом, и начальник тюрьмы более занят железом, чем тюрьмой.

Но этими обвинениями Новицкий не ограничивается. Он метит выше. Он не доверяет самому ревизору (Сементовскому), присланному из Петербурга для расследования побега, потому что и тот еще в бытность свою киевским тюремным инспектором проложил по либеральности своей дорогу подрыву дисциплины и порядка в киевской тюрьме. А что до Лучинского, тогдашнего киевского тюремного инспектора, то тот просто „неблагонадежный“ человек, по тем сведениям, какие о нем добыл Новицкий.

Выражая недоверие тюремной администрации, Новицкий стремился обвинить ее в пособничестве к побегу. И в этом направлении сначала велось следствие. Подбирались факты, доказывавшие невероятное предположение о том, что побег частично совершился еще до 18 августа, но был скрыт тюремной администрацией. В деле имеются показания жел.-дор. кассира, утверждавшего, что в 5 часов 18 августа, т.-е. за несколько часов до побега, лицо, в котором кассир, по пред'явлении ему фотографических карточек беглецов, опознал Таршиса, настойчиво требовало через головы ожидавших в очереди у кассы проездных билетов, отказываясь даже от сдачи с 10 руб. лишь бы получить их скорее. Проездная прислуга по тем же фотографическим карточкам опознала Крохмаля, Мальцмана и Блюменфельда и показала, что лица эти ехали в ковенском поезде 18 августа, и часть их слезла на раз'езде Ирша, находящемся далеко от жилья и не имеющем никакого сообщения. А кондуктор Киево-Ковельской дороги сообщил, что опять-таки 18 августа, днем в поезд на ст. Киев сел какой-то неизвестный, в котором он опознал Баумана.

Все эти показания абсолютно лживы, так как из упомянутых нами воспоминаний известно, что Таршис после побега отправился на Слободку, где прожил еще несколько дней (см. сборн. киевского о-ва „Каторга и ссылка“, стр. 98), а Бауман еще целых две недели жил в Киеве на квартире у одного присяжного поверенного, а затем, сбрив бороду и преобразившись в шикарного барина, преспокойно отправился в Вильно (см. сборн. „Братская могила“, стр. 45).

Но следственные власти долго бились в противоречивых сообщениях и фантастических предположениях, пока решились отказаться от соблазнительной мысли,—доказать участие тюремного начальства в побеге.

Правильное изложение обстоятельств побега дала листовка киевской кассы Красного Креста, вышедшая 1 сентября.

Приводим ее в извлечении:

„18 августа в Киеве произошло значительное событие: из тюрьмы бежало 11 политических арестантов (перечислены их имена). Большинство из них сидело с февраля этого года, некоторые с апреля 1901 г., по обвинению в принадлежности к РСДРП или в доставке и распространении „Искры“; один из бежавших, Плесский, обвинялся в принадлежности к с.-р. Бежавшие имели свое основание ожидать, что еще многие месяцы их будут морить в тюрьме, пока Новицкий с друзьями—прокурорами кончит так называемое „следствие“,

где нет ни определенно-сформированного обвинения, где на место фактических улик ставятся показания подкупных шпионов... С каждым годом жандармерия удлиняет свои заключения, стараясь навсегда из'ять из жизни своих врагов. Естественно, что попавшие в тюрьму политические ставят своей первой задачей по возможности скорее вырваться оттуда, чтобы вновь вступить в ожесточенную борьбу с правительством... То же сделалось заветной мечтой 11 бежавших. Чуть не с первых дней заключения стали они обдумывать свой смелый план побега; один раз, казалось, все уже было готово: в назначенный день и час в назначенных местах уже ожидали свободные товарищи с лошадьми, как вдруг какое-то мелкое событие тюремной жизни чуть не погубило все дело. Попытку пришлось отложить на неопределенный срок. Каждый день план мог открыться, но наконец наступил счастливый вечер, когда его можно было осуществить"... Далее идет описание побега, уже известное читателям, и прокламация продолжает:

„Побег был обнаружен очень скоро после того, как последний из бежавших очутился на свободе. Была поднята тревога, вдогонку беглецам, наугад, полетели пули, выслана погоня... К счастью, Новицкий и многие другие жандармы были в этот вечер на какой-то свадьбе, где усердно служили Бахусу; лучшие сыщики были уже отправлены в Курск, для изображения толпы во время царского приезда, и, благодаря этим случайностям, погоня была организована много часов после побега. А между тем беглецов за тюремной стеной поджидали их друзья и товарищи, доставшие им более или менее безопасное убежище.

В настоящее время многие из них находятся уже за границей, другие еще в России, где есть все основания надеяться, что сыщики Новицкого их не откроют...

Несмотря на смелость и находчивость беглецов, их побег был бы невозможен, если бы общество их не поддержало. Мы не говорим уже о товарищах и друзьях бежавших, оказавших им самую существенную помощь и непосредственно способствовавших их побегу. Но и более широкие круги общества, люди, никогда не знавшие ни одного из участников побега, проявили самое горячее сочувствие. Нашлись квартиры, которые охотно были предоставлены беглецам в первую же ночь, проведенную ими на воле. Нашлись и деньги. Побег стоил значительных средств. По 100 руб. даны каждому бежавшему, пришлось купить для них костюмы, лошадей; все вместе обошлось приблизительно в 2.500 руб. Несмотря на значительность этой суммы, большая часть была собрана в короткий срок... Сборы, направленные специально на поддержку, произвели дефицит в нашей кассе. А между тем, весьма вероятно, что некоторые из беглецов будут еще несколько недель нуждаться в нашей помощи. Но этого мало. Новицкий, видимо, желает заполнить пустое пространство, образовавшееся в тюрьме после побега... Взбешенный тем, что счастливо спаслись от него 11 человек, Новицкий жаждет найти теперь сообщников побега, чтобы хоть на них выместить свою злобу. Правда, у него нет никаких данных, но разве перед этим останавливается царское правительство. Мы можем, мы должны готовиться к тому, что тюрьма, на время освободив-

щаяся, вновь наполнится жертвами жандармского произвола, безжалостно и бессмысленно выхваченными, по указанию любого шпиона или нелепой логике Новицкого и его помощников"...

III

В ПОГОНЕ ЗА БЕГЛЕЦАМИ

В то время, как в Киеве следствие билось над выяснением обстановки побега и виновности тюремной администрации, в это время далеко за стенами тюрьмы, по всем направлениям, шли розыски бежавших.

Уж в самый вечер побега, тотчас же после его обнаружения, жандармский ротмистр был на вокзале, разослал по всем линиям жел. дор. депеши и в то же время приглядывался к садившимся в вагоны пассажирам. Филеры и жандармы были пущены и рассеяны по всему городу. Всем начальникам полиции Киевской губ. отправили печатные, секретные циркуляры, перечислявшие имена бежавших и предлагавшие „принять меры к розыску арестантов"; к циркулярам, конечно, прилагались и фотографические карточки. В свою очередь полиция разослала „всем губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам и проч. и проч." приметы всех беглецов и характеристику их революционной работы, где, опять-таки, предлагалось принять „все зависящие" меры.

До 30-го августа поиски были безрезультатны. Но в этот день, в 8 час. вечера, получилась из Кременчуга шифрованная телеграмма на имя Новицкого.

„Сегодня задержан с подложным паспортом назвавшийся Болеславом Михайловым Плесским, бежавший из киевской тюрьмы 18-го августа. Прошу указаний. Подполковник Масслитинов." Новицкий немедленно ответил:

„Препроводите Киев мое распоряжение".

Плесский был задержан в Кременчуге при следующих обстоятельствах: Пристав 2-ой части, обходя рано утром (30/VIII) ночлежные номера у пароходной пристани, обратил внимание на молодого человека в студенческой тужурке, показавшегося подозрительным и странным неодинаковым цветом своих волос: они были черного цвета, но местами явственно отливали рыжим оттенком. Задержанный приставом неизвестный пред'явил паспорт на имя Ивана Шафранского и об'яснил, что едет из Бобруйска и направляется в Полтаву к своему товарищу студенту. При тщательном осмотре паспорт оказался с подчистками, или, как констатирует протокол, „в нем видны были следы иной, как бы вытравленной рукописи". Кроме того, Шафранский заявил, что он студент Одесского университета, а по паспорту значился слесарем. Неизвестный был доставлен в местное жанд. управление и тут пред неминуемой угрозой все равно быть узнанным об'яснил, что он в действительности Болеслав Плесский. Он отказался дать какие-либо об'-

яснения относительно подробностей побега, но согласился отвечать на отдельные вопросы, касающиеся его лично. Показания Плесского, неполные по весьма понятной причине, не внесли нового в установленную уже картину побега. По условленному сигналу он бросился бежать к концу „прогулочного" двора, где была в ту минуту лестница на тюремной стене. Он спустился по ту сторону ее и бежал через огород, прилегающий к стене, и дальше через овраг, по направлению к городу, в который вошел каким-то переулком. Там сел на извозчика. В течение 11 дней был в Киеве, оттуда направился в Кременчуг и собирался дальше, через Полтаву, в глушь России, на восток. Чтобы изменить свою наружность, он купил студенческий костюм и выкрасил волосы сначала в рыжий цвет, но потом из-за неудовлетворительности окраски—в черный. Фамилия в паспорте принадлежала одному из его школьных товарищей, убитому на постройке Манчжурской ж. д. во время китайских волнений; паспорт он достал совершенно готовый и только расписался на нем.

Конечно, показания Плесского мало удовлетворили жандармов. „Он мог бы многое рассказать, если бы хотел", грустно пишет в одном из своих „представлений" по инстанции прокурор; однако, от Плесского нельзя было большего добиться.

И розыски продолжались. 20-го сентября 1902 г. судьба словно поддразнивала ищущих; в их руках оказался не живой беглец, а несколько писем его, выдержки из которых д-т полиции препроводил „для сведений и соображений" в киевское жанд. управление. Письма принадлежали Валлаху и были адресованы его матери, в Белосток:

„I. 10 сентября 1902 г. Станц. Пенель.

Из Лодзи Вам сообщили, как я распростился с Лукьяновским замком и с Россией (не навсегда). Известны Вам, значит, и некоторые подробности. Измучился физически и нравственно за эти дни, как никогда. Но близок отдых. Десять дней чувствовал над собой дамоклов меч военного суда за побег. Теперь вне опасности. Поймите, что вследствие усталости писать не могу...

II. Берлин, 11 сентября 1902 г.

Дорогие, только что прибыл в Берлин, так что отдохнуть еще не успел. Пока чувствую себя счастливым. Довольны ли Вы? Прощайте, напишу через 2—3 дня о своих планах.

III. Берлин. 14 сентября.

Дорогие, извещаю Вас о своем здоровье и благополучии. В Берлине за три дня еще больше устал. Сейчас уезжаю. Пока не приеду в Швейцарию и не отдохну, писать подробнее не обещаю".

Через полгода, 24 марта 1903 г. российское консульство во Львове послало киевской прокуратуре требование удостоверить личность, изображен-

ную на прилагавшейся фотографической карточке. То был Мариан Гурский, бежавший в числе 11 из киевской тюрьмы. Его задержали во Львове австрийские власти по ст. 66 своего законодательства [1]).

IV

К ПРЕКРАЩЕНИЮ...

Итак, на седьмом месяце побега, при всех изощрениях Новицкого, несмотря на успехи следственных и розыскных органов, в их руках были только: Плесский, случайно захваченный, несколько выдержек из писем Валлаха и Гурский, которого еще нужно было добыть из Австрии.

В этом смысле министерство юстиции 10 апреля 1903 г. запрашивает прокурора судебной палаты, в каком положении дела о побеге 11, и не предполагается ли привлечь Мариана Гурского и других бежавших по обвинению в насилии над стражей (ст. 312 улож. о нак.) и, следовательно, пред'явить требование о выдаче из Австрии Гурского. На этот запрос последовал любопытный ответ прокурора окружного суда от 8/V—1903 г., который приводим целиком:

„Ознакомившись подробно с следственным производством по делу о побеге политических арестантов из Киевской Губернской тюрьмы, я пришел к заключению, что, несмотря на все принятые меры к выяснению обстоятельств, сопровождавших этот побег, вопрос о том, *было ли в настоящем случае употреблено какое-либо против стражи насилие* (курсив мой А. Г.), *остается открытым*. Не усматривая вследствие этого достаточных оснований для пред'явления Мариану Гурскому и другим учинившим побег арестантам обвинения по ст. 312 улож. о нак. и считая расследование по этому делу исчерпанным, я полагаю, что оно должно быть направлено к прекращению... Считаю своей обязанностью присовокупить, что постановка этого дела на суд при сколько-нибудь сомнительных, нетвердых данных, с моей точки зрения, крайне нежелательна. Дела о побегах с насилием над стражей рассматриваются с участием присяжных заседателей, которые требуют от обвинительной власти точных и несомненных доказательств и при отсутствии таковых выносят всегда оправдательные вердикты. Отсюда ясно, что в настоящем случае, сомнительном даже с точки зрения обвинительной власти, иного приговора, кроме оправдательного, последовать не может, что послужило бы только к торжеству Гурского и его единомышленников, которые к тому же во время разбирательства, если бы даже оно и производилось при закрытых дверях, *несомненно успели бы коснуться таких вопросов и предметов, которые огласке не подлежат* (курсив мой А. Г.)

---

[1]) Гурский перевозил через австрийскую границу нелегальную литературу, главным образом „Искру“, и был задержан с своим транспортом. Ц. Б.

Вменяю в обязанность также доложить, что если бы в настоящем случае Мариан Гурский и был привлечен к делу в качестве обвиняемого по ст. 312 улож. о нак., то в силу конвенции о взаимной выдаче преступников, заключенной между Россией и Австрией 3/15 октября 1874 г., не представлялось бы возможным войти с требованием об его выдаче (курсив мой А. Г.), т. к. по смыслу ст. 4-й конвенции действие ее не распространяется на преступления государственные и правонарушения, обусловленные этими преступлениями".

Этот голос благоразумия вместе с „заключением" прокурора о направлении дела к прекращению, за необнаружением виновных, возымели свое действие, и 28-го января 1904 г. на имя прокурора киевской судебной палаты поступила бумага, по которой „по состоявшемуся между министерствами внутренних дел и юстиции соглашению, настоящее дело дальнейшим производством прекращено".

ПАМЯТИ Н. Э. БАУМАНА

Среди наших партийцев в старые годы была особая порода людей, которые с головы до ног были пропитаны духом революционного энтузиазма и самоотвержения.

Таким именно и был, сколько я его знаю, покойный Николай Эрнестович Бауман. Самоотверженный революционер, прекрасный, с большой выдержкой, организатор и жизнерадостный, веселый человек, которому „ничто человеческое не было чуждо“. Да, этим веяло от всей его прекрасной и крепко сложенной фигуры, от открытого лица, от приветливых его глаз. Впервые я встретился с тов. Бауманом в Таганской тюрьме летом 1904 года. В один прекрасный день в часы прогулок открывается „форточка“ в дверь моей камеры и просовывается симпатичнейшая голова с широким лбом, веселыми глазами, русой бородкой—лицо необычайное, сразу останавливающее на себе внимание. Познакомились. Пожали друг другу руки. Поболтали. И здесь же надзиратель, который открыл „форточку“ по просьбе этого „арестанта“, умевшего, очевидно, влиять на людей, так как редко кому удавалось уговорить тюремных надзирателей нарушать „правила“. Этот „политик“ был Н. Э. Бауман.

Арестован он был в Москве по делу ЦК нашей партии, агентом коего он был в то время. Кроме того, ему еще пред'явили обвинение в побеге из киевской тюрьмы в 1902 году. Как „беглеца“, его держали под строгой охраной (а „форточку“ моей камеры все-таки открыл!) в „изоляторе“. В силу этого приходилось редко встречаться с ним: все сидевшие в „изоляторе“ выводились на прогулку в одиночном порядке. Хотя тюремный режим в Таганке был в то время „свободный“, и мы даже умудрялись читать из окон рефераты и вести дискуссии, но „изолятор“, в котором сидел Н. Э., находился вдали от нас, особняком.

Несмотря на это, он все же находился в общении с нами, и ни одно тюремное предприятие не обходилось без него. Так, когда осенью 1904 года Таганская политическая тюрьма об'явила голодовку, он в ней принимал деятельное участие. Как я говорил выше, Н. Э. обладал способностью влиять на людей. В значительной мере это об'ясняется обаятельностью его личности. Он покорил сердца и уголовников. Это был их любимец. „Дядя Коля“ был самым популярным и авторитетным человеком среди „отверженных“. И, пожалуй, самым трогательным венком на его могилу был венок с красной лентой от таганских уголовников—„дяде Коле“, как они его называли.

Второй и последний период, к которому относятся мои встречи с Н. Э., это октябрьские дни пятого года. Числа 8—10 октября старого стиля Н. Э. был освобожден из тюрьмы до суда под залог. Это было время, когда страна уже начала сотрясаться от революционного напора российского пролетариата. Как натура революционная, Н. Э., не теряя золотого времени, тотчас отдал себя в распоряжение Московской организации партии. Просидев долгое время в тюрьме, он не взял на себя никакой руководящей работы; присматривался к новым условиям нашей работы, аккуратно посещая и принимая участие в заседаниях МК, набирался, так сказать, „нового опыта". Как всегда, он был весел, жизнерадостен, и, помню, не раз я видел его потиравшим руки от восторга перед развернувшимися событиями.

Последний раз мне привелось его видеть перед его смертью. Мне пришлось быть очевидцем его убийства [1]).

Прошло 17 лет, а передо мною ясно встает образ одухотворенного „дяди Коли", с красным знаменем направляющегося к рабочим фабрики Дюфурмантеля присоединять их к демонстрации. А через пять минут бездыханный, изуродованный труп славного революционера, павшего от предательской руки наемного убийцы.

В истории Московской организации сыграла громадную роль не только деятельная жизнь Н. Э., но и его славная смерть. Не преувеличивая, можно сказать, что Московская организация нашей партии стала массовой со времени смерти Баумана. Его труп послужил как бы цементом, скрепившим московский пролетариат с нашей партией. Имя Баумана для московского рабочего и поныне является синонимом большевизма. И, несмотря на то, что прошло 17 лет, едва ли можно найти в Москве рабочего, которому не было бы известно имя Баумана.

И оно останется вечно в памяти пролетариата, которому он отдал свой ум, сердце и самую жизнь.

С. Черномордик (П. Ларионов).

УБИЙСТВО БАУМАНА

„Пролетарская Революция", № 9, 1922 г., стр. 288.

(Воспоминания очевидца)

Ночью 17 октября (ст.ст.) 1905 г. штаб Московского Комитета РСДРП (б), находившийся в то время в бывшем Императорском Техническом училище, бомбой влетела буржуазного вида дама и сообщила от имени с'езда партии Народной свободы—в то время заседал учредительный

[1]) Мои воспоминания об убийстве Баумана см. № 9 „Пролетарской Революции".

с'езд партии к.-д.—о царском манифесте. По ее словам выходило, что борьба народа за свободу закончилась его полной победой, и отныне самодержавия не существует. Дама передала нам привет от партии к.-д. и поздравление с победой. На нас это сообщение не произвело того впечатления, которое ожидал, повидимому, встретить кадетский вестник. Поверхностная либеральная восторженность наткнулась на суровость мысли пролетарской партии. Мы просили передать кадетскому с'езду, что, даже и не будучи знакомы с деталями манифеста, мы полагаем, что борьба народа за свою свободу не только не закончилась, а только начинается, что победа народа определяется не клочком бумаги, а его реальной силой и организованностью, и что в дальнейшем предстоит колоссальная работа партии пролетариата по закреплению завоеваний народа, обещанных царем в Манифесте, путем усиления и расширения его организаций. Дама ушла разочарованная.

Оказавшиеся налицо члены Московского Комитета тут же собрались обсудить тактические вопросы завтрашнего дня. Мы все сошлись на той бесспорной мысли, что царское самодержавие дрогнуло, и задачу нашей дальнейшей работы мы определили, как необходимость повалить его на обе лопатки.

Мы решили повести утром 18 октября рабочих с митингов в Техническом училище освобождать политических заключенных Таганской тюрьмы. Это должно было служить испытанием реальности царского манифеста и сил как наших, так и царского самодержавия.

С утра 18 октября, как всегда в те дни, все аудитории Технического училища были полны рабочими, слушавшими ораторов. Были мобилизованы все силы МК для успешного проведения приступа на московскую „Бастилию". Все наши почти были в сборе. Среди нас был и „Дядя Коля" — Николай Эрнестович Бауман.

Н. Э. Бауман был освобожден под залог до слушания дела 8—10 октября из Таганской тюрьмы, где он сидел с лета 1904 г. по делу ЦК нашей партии; ему было пред'явлено еще обвинение и в побеге из киевской тюрьмы в 1902 г. По освобождении он сразу не вступил в руководящую работу, желая, повидимому, ознакомиться после долгого тюремного заключения с обстановкой и условиями нашей партийной работы. А обстановка тогда была такова, что очень трудно было политически ориентироваться в событиях не только такому человеку, который полтора года был оторван от прямой работы, но и тем, которые активно принимали участие в подготовке этих событий. Человеку „подполья", каким был Н. Э. Бауман (и какими мы были все), имевшему до своего заключения дело с конспиративными кружками, группами и в лучшем случае с „массовкой", где-нибудь в лесу [1]) пришлось натолкнуться на невиданное до того в России явление—на

[1]) Бывали, правда, и до 1905 г. крупные массовые стачки, охватывавшие целые районы, напр., ростовская стачка 1902 г. или стачки на юге в 1903 г., но, во-первых, они все же носили местный характер, а, во-вторых, в них принимали активное участие лишь местные работники и незначительное число счастливцев „профессионалов".

всеобщую всероссийскую политическую забастовку, в которой участвовали миллионы рабочих. Для всех нас это было ново, но мы, принимавшие активное участие в подготовке этих событий, подошли к ним постепенно, так сказать, политически учились. В другом положении очутились товарищи, как Н. Э. Бауман, которые после долгого отрыва от партийной работы попали как бы из одной эпохи политической жизни в другую. Конечно, такому работнику, как Н. Э. Бауман, не пришлось бы долго „учиться" и оглядываться, чтобы схватить положение. И надо полагать, что если бы его жизнь не оборвала предательская рука убийцы, он в ближайшие дни после 17 октября занял бы руководящее положение в Московской организации, а может быть, и в центральных органах партии. Не возложивши на себя никакой официальной работы, Н. Э. Бауман со дня своего освобождения из тюрьмы живо интересовался нашей работой, посещал все наши заседания МК, высказывал свое мнение по разным вопросам. Настроен он был, как всегда, жизнерадостно, и эта жизнерадостность невольно передавалась всем его окружающим. Мы все на него смотрели, как на человека, который не сегодня—завтра „покажет себя".

Около 12 часов дня 18 октября мы, по заранее разработанному плану, пошли по всем аудиториям Технического училища приглашать рабочих на демонстрацию к Таганской тюрьме. Рабочие радостно покидали аудитории, выходили на двор, где строились в колонны. В некоторых аудиториях пришлось встретиться с сопротивлением эс-эров, которые были обижены тем, что они не занимают в демонстрации руководящего положения. В порядке построения колонны впереди была выстроена наша боевая дружина.

Приблизительно часа в два дня демонстрация двинулась. По выходе со двора Технического училища на Коровий Брод солдаты резервного батальона, находившиеся против казармы, приветствовали демонстрацию. На рабочих, которые привыкли к тому, что солдаты стреляют в рабочих, это произвело сильное впечатление. Тов. Станислав (Вольский) обратился к ним с сильной речью, приглашая их присоединиться к демонстрации. Солдаты жестами показывали, что начальство их не выпускает.

Когда демонстранты вышли на Немецкую улицу (ныне Баумановскую) и собирались повернуть налево, у фабрики Дюфурмантеля (направо) стояла толпа рабочих. „дядя Коля", бывший во главе демонстрации, не вытерпел, заговорило сердце революционера. Он сел на случайно подвернувшегося извозчика, случайно, так как и извозчики в те дни бастовали, с тем, чтобы под'ехать к группе рабочих и присоединить их к демонстрации. Кто-то вручил „дяде Коле" красное знамя [1]).

---

[1]) Кто этот „кто-то", мне до сих пор установить не удалось. Я живо до сих пор помню его лицо: человек с большой шевелюрой, высокий, бритый, с большими усами, в пенснэ, хорошо одетый, в мягкой шляпе. Очень прошу товарищей, знающих фамилию этого лица или само это лицо, если оно существует еще на свете и если эта статья попадет ему в руки,—сообщить в Бюро Истпарта.

До сих пор живо встает предо мною картина: одухотворенный „дядя Коля“ на извозчике с развевающимся красным знаменем в руках. Все повернулись направо, устремивши свой взгляд вслед „дяде Коле“ в ожидании его возвращения с рабочими.

Но не суждено было вернуться „дяде Коле“. Не от'ехал он и двадцати саженей, как, наперерез ему, у фабрики Щапова выскочил человек, ударил его по голове какой-то палкой (впоследствии „палка“ эта оказалась газовой трубой).

Склонился „дядя Коля“, склонилось красное знамя...

Наши дружинники побежали, начали беспорядочную стрельбу среди демонстрантов еще не обстрелянных, а многие даже не видели, в чем дело,— началась паника—бросились бежать в соседние дворы. Когда через минут пять паника улеглась, принесли бездыханный, изуродованный труп „дяди Коли“, убитого черносотенцем.

Это убийство произвело такое удручающее впечатление на всех участников демонстрации, что пришлось отказаться от первоначальной цели демонстрации. Тело Н. Э. Баумана было перенесено в актовый зал Технического училища, где оно было выставлено до самых похорон. Участники демонстрации вернулись в Техническое училище, где с этого времени до погребения все митинги были посвящены Н. Э. Бауману. Широкие рабочие массы, до того не слыхавшие о существовании Баумана, только после его трагической смерти узнали, „какое сердце биться перестало“, что погиб их вождь и их друг.

Вся рабочая Москва 18—20 октября находилась под впечатлением смерти Н. Э. Баумана. Не было ни одного митинга, ни одного рабочего собрания, где бы обсуждались другие вопросы, кроме убийства Баумана и предстоящих похорон. Можно сказать, что не только вся сознательная жизнь была отдана Н. Э. Бауманом революции и нашей партии, но и самая его смерть послужила росту и влиянию партии. Его смерть неразрывно связала нашу Московскую большевистскую организацию с рабочими массами, показав последним, кто их настоящие друзья. До чего была возбуждена рабочая масса Москвы против убийцы, показывает такой факт. На одном из митингов, кажется, в Институте Путей Сообщения, кто-то пустил слух, что среди присутствующих находится убийца Баумана. Я был свидетелем, как все набросились на какого-то человека и хотели его растерзать. Только выяснение недоразумения спасло его от смерти.

На следующий день, 19 октября, в штаб МК явился пристав местного участка и просил отдать судебным властям для медицинского вскрытия труп Баумана, так как убийца арестован и против него возбуждено уголовное дело. Конечно, было ясно, что агентов правительства меньше всего занимали интересы правосудия, а что это обычная полицейская уловка, чтобы сорвать готовившиеся грандиозные похороны. Мы, конечно, пристава выпроводили.

Несколько слов об убийце Н. Э. Баумана. Кто бы он ни был, просто ли темный человек, или активный член союза русского народа, или охранник, но то, что он-то убийца вождя рабочего класса, сделало его „знамени-

тым", как Герострата. Фамилии его я не припомню, в делах московской судебной палаты она, конечно, имеется [1]). Он был арестован, судился московской судебной палатой, приговорен к двум годам арестантских рот, а затем помилован Николаем, как совершивший преступление из идейных побуждений. Было бы очень интересно установить на основании документов бывшей московской охранки, был ли это просто черносотенный фанатик, или агент Охранного Отделения. У всех партийных товарищей того времени сложилось твердое убеждение, что все это дело было подстроено охранкой.

С. Черномордик (П. Ларионов).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗЕМЛЯЧКИ

„Декабрьское восстание" в Москве 1905 г., стр. 22.

Утром в день об'явления манифеста собрался МК., чтобы обсудить создавшееся положение. В него входили тогда, кроме меня, В. Шанцер, Ст. Вольский, М. М. Васильев (Южин), Савков (Тимофей), Войцехов и др. Радость наша была велика: манифест, которому мы не придавали никакого значения, являл собою все же большую победу рабочего движения и первый подчеркнул ее. Помню, с какой радостью встретили меня (я немного запоздала). Больше всех радовался Николай Бауман: он был весел, как ребенок. Было решено после обсуждения листка в ответ на манифест прервать заседание и итти освобождать Таганскую тюрьму. Масса собралась без нашего вызова,—так интенсивна была в то время жизнь. Штаб наш помещался в Высшем Техническом училище, на Немецкой улице, где и происходило собрание МК. Все вместе мы вышли из училища, но Бауман сказал мне, что хочет позвать с нами еще одну фабрику. Мы торопились, и я просила его не задерживать нас, но он крикнул: „Не пройдет 5-ти минут, как я буду с вами!" сел на извозчика и укатил со знаменем в руках. Не прошло 5-ти минут, как раздался выстрел, и мимо меня пронесли труп Н. Баумана.

Шествие было прервано. Целый день шли митинги у трупа самого любимого, самого дорогого нам товарища. Была опасность, что его у нас отберут, потому что враги знали, что смерть эта всколыхнет и те ряды, которые не шли еще за нами; они боялись похорон, демонстрации, и мы, не смыкая глаз, дежурили непрерывно у его гроба до 20-го октября, когда были похороны—этот апофеоз московского рабочего движения.

---

[1]) Уже после того, как я написал эту заметку, мне стало известно, что убийца Баумана, по фамилии Михальчук, арестован Московским отделением ГПУ. Надо надеяться, что дознание и процесс прольют свет на это темное, зверское преступление.

Я помню огромную радость, которую мы испытали в этот день, несмотря на потерю одного из наших любимых друзей. Мы знали, что в этот день рабочий становится впервые хозяином положения и впервые показывает свою власть. Все в этот день было подчинено в Москве этой власти, и все кругом ликовало вместе с нами. Темные силы спрятались и обнаружились только назавтра.

Помню недоумение на лицах представителей либеральных организаций, когда им было заявлено, что в шествии они будут занимать последнее место, а впереди будут рабочие. Почему-то запомнились мне лица представительниц от Лиги равноправия женщин, когда я заявила им о том же. Вся Москва была с нами, а впереди всех—рабочие. Но в этот вечер, несмотря на запрещение МК., группа в 100 человек с похорон отправилась демонстрацией к Университету. Здесь из манежа, где прятались черносотенцы, был дан по ним залп, и много было убито и ранено. А во время похорон и шествия ни одного выстрела, ибо мы устрашали своих врагов силой сознательной, дисциплинированной массы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БУЛОЧНИКА

В это время (окт. 1905 г.) я работал в Москве на Немецкой улице, в булочной Г. Е. Капарулена. Над нашей булочной был трактир с вином и двор для извозчиков. К нам на двор ходили играть в бабки рабочие фабрик Щаповой и Дюфурмантель. На дворе каждый день собирались рабочие кучками, а у нас, булочников, спальня была во дворе. Когда однажды наш хозяин проходил двором, один рабочий ф-ки Щаповой, подойдя к нему, попросил:

— Дай-ка на полбутылку водки, я за твое здоровье выпью, да еще какого-нибудь забастовщика убью.

Наш хозяин достал двугривенный и дал.

18 октября мы, булочники, выйдя на угол своей булочной, наблюдали, как росло здесь движение рабочей массы; вышли также рабочие ф-к Щаповой и Дюфурмантель. Стоя у своих ворот, увидали мы толпу рабочих на углу Вознесенской и Немецкой улиц. В той рабочей массе и был наш вождь тов. Бауман. Он ехал на легковом извозчике, стоя на пролетке и держась за спинку сиденья извозчика. В то время, как пролетка немного не доехала до фабрики Щаповой, рабочий, который взял у нашего хозяина двугривенный, держа в руках газовую палку (трубу газовую), подбежал к извозчику и ударил трубой по виску тов. Баумана, и еще ударил его местный мясник Буданов ножней, куда мясники вкладывают ножи. Вскоре эти два убийца тут же скрылись. Было произведено несколько револьверных выстрелов, но бесполезно, а товарищ наш был убит. Подойдя к нему (он был еще жив), мы его подняли и понесли напротив в бесплатную амбу-

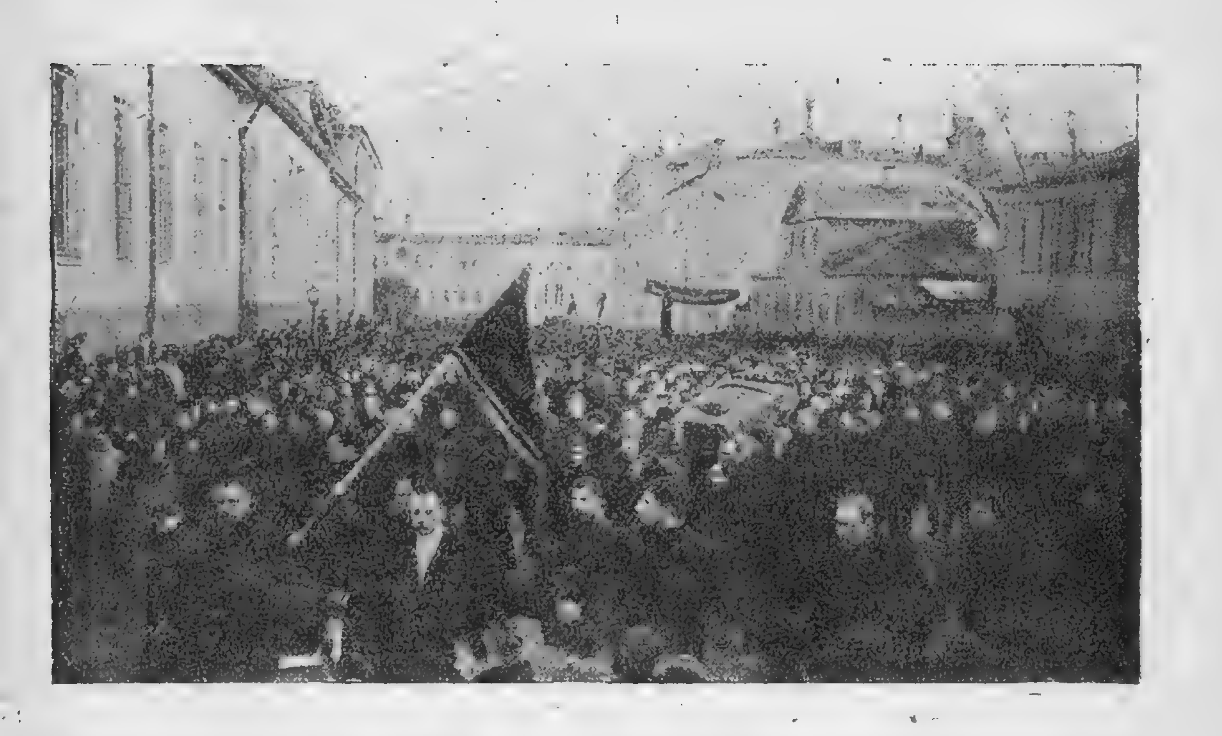
латорию, где ему обмыли рану и сделали перевязку. Здесь же вскоре он скончался; тело тов. Баумана понесли в Техническое училище и положили в одну из комнат училища. После этого рабочие и работницы стали сходиться в училище, где в это время было назначено собрание. Когда по окончании собрания я пошел еще раз навестить тело дорогого товарища, то к гробу не стали пускать. Были родственники, у изголовья гроба стояло красное знамя с надписью золотыми буквами: „Погибшему борцу за свободу—от рабочих фабрик и заводов".

Было оповещено о похоронах, и сборный пункт был назначен здесь же, около Технического училища. На второй или на третий день сюда стали сходиться рабочие с фабрик и заводов, неся впереди своих организаций знамена, кто траурное, а кто революционное—красное. Венков была масса. При выносе гроба раздалась команда рабочих: шапки долой! Построились стройными рядами и понесли гроб на Ваганьковское кладбище. По улицам из открытых окон домов приветствовали шествие красными платками. Мы отвечали на привет фуражками, пели похоронный марш, а позади нас ехали повозки Красного Креста. Было много провокационных слухов, передавали, что едут казаки, и провокаторы в это время начинали выскакивать из стройных рядов рабочих, но рабочие свое дело крепко знали, совершили похороны товарища, спели ему вечную память, и дали мы, рабочие, клятву над его могилой дело наше довести до конца.

Вечная память товарищу Бауману!

Волков.

„Братская могила".

ПОХОРОНЫ ТОВ. БАУМАНА [1])

Тело тов Баумана в красном гробу находилось в зале Высш. Технического училища в Лефортове.

Утром в день похорон сходилась туда вся революционная Москва. Двор и прилегающие улицы густо заполнялись рабочими, пришедшими провожать лучшего борца, погибшего на пороге новой жизни.

Во главе всех явились члены Центрального и Московского Комитета, имевшие отличительный знак—широкую красную ленту через плечо. Они на своих руках вынесли красный гроб, и печальная процессия двинулась под звуки траурного марша, исполняемого хором и оркестром.

Особенно больно хватали за душу эти звуки, когда мы всего лишь накануне пережили так много радости, когда мы еще так недавно видели в своей Таганской среде „дядю Колю" таким бодрым и живым.

---

1) Из статьи Е. Поповой (Анна Петровна) „Полтора года в Окружке".

По дороге к процессии присоединяются все новые и новые группы рабочих и даже военных.

Вот усеяли весь забор железнодорожники Моск.-Казанской линии и ждут.

Что они хотят? Присоединиться? Или начнут бросать камни? С таким внутренним вопросом встречалась всякая новая группа, неизвестная.

Только поравнялась с ними процессия...

— Ура!!...

И они вливаются в наши ряды за красным гробом.

А вот отряд солдат—сапер—смело марширует по направлению к нам и занимает место около самого знамени. „Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии".

Их особенно горячо приветствуют демонстранты.

На Театральной площади стоял длинный ряд делегаций с венками. Совершенно неожиданно я вижу в этом ряду знакомого из Саратова.

— Вы как?,—спрашиваю.

— Делегатом на похороны от Саратовской организации.

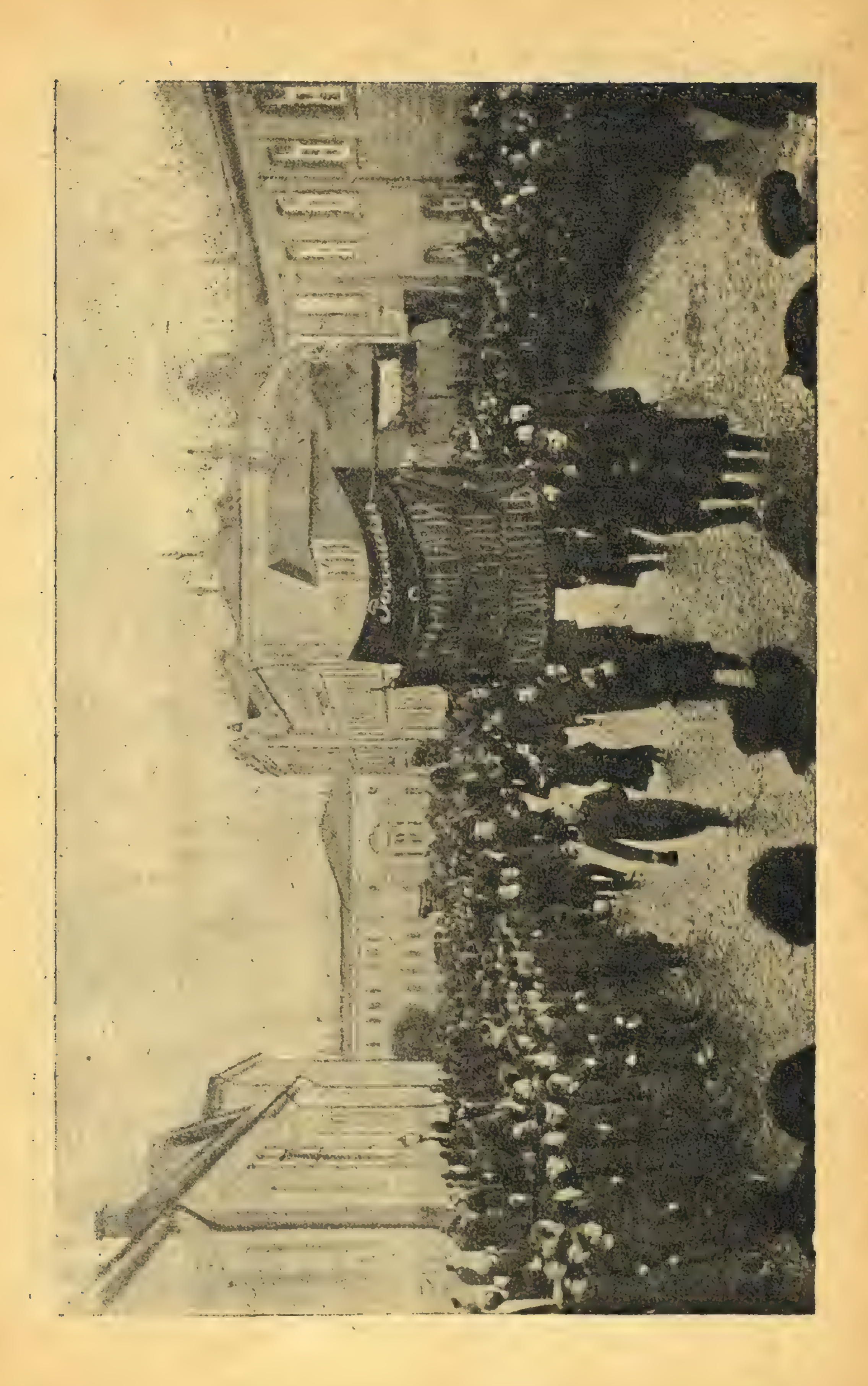
Оказывается, были делегаты и из других городов.

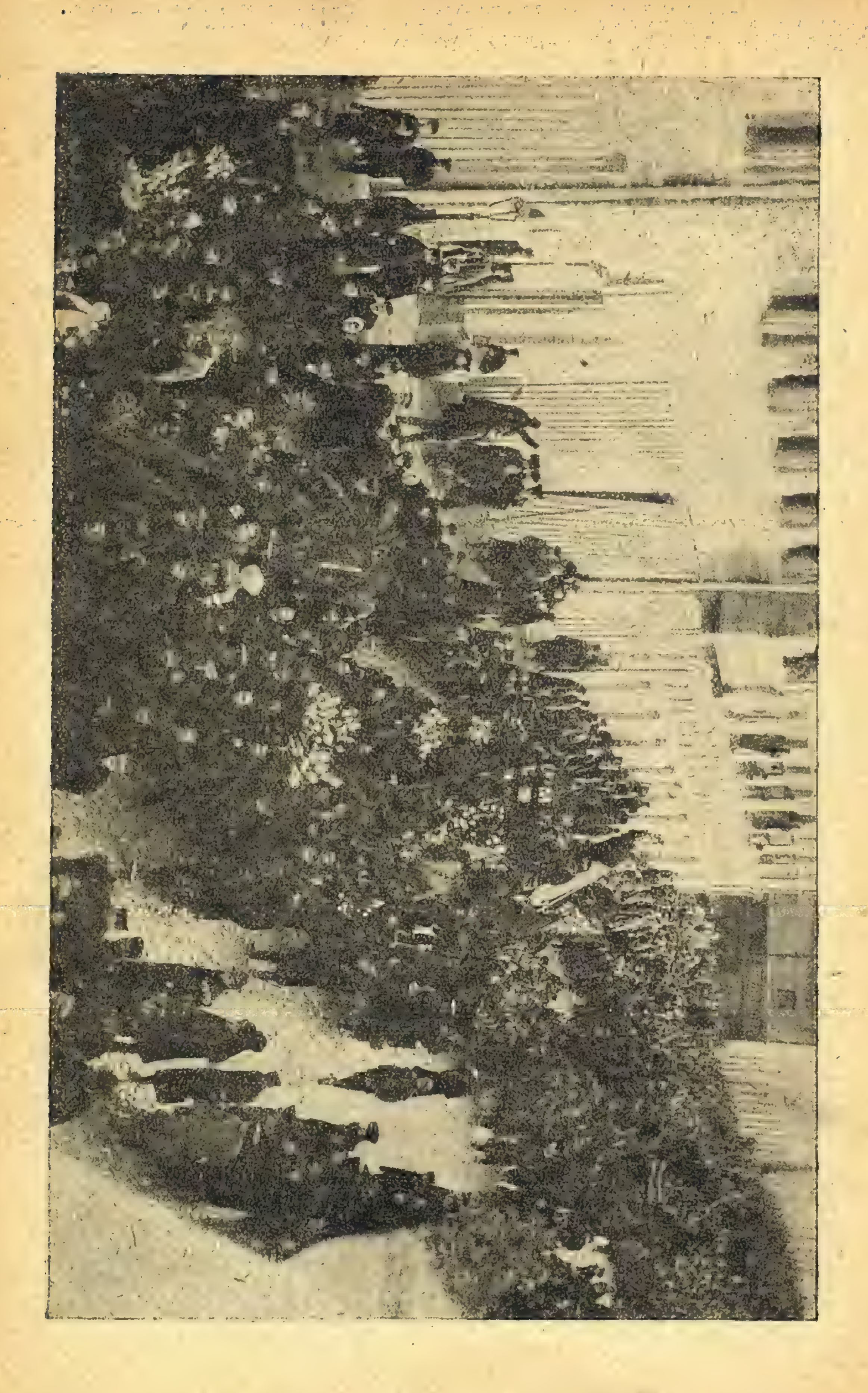
После освобождения заключенных, этот день был величайшим революционным праздником. В Москве забастовали все фабрики и предприятия, и все шли на демонстрацию.

Маршрут был из Лефортова по Покровской, Елоховской, Ново-Басманной, дальше через Красные ворота по Мясницкой, через центр, мимо Университета по Большой Никитской, по Пресне и на Ваганьково.

Народу было столько, что, говорят, когда голова процессии повернула на Б. Никитскую, хвост был еще у Красных ворот. Шли до кладбища с утра до вечера, и гроб опускали в могилу при факелах.

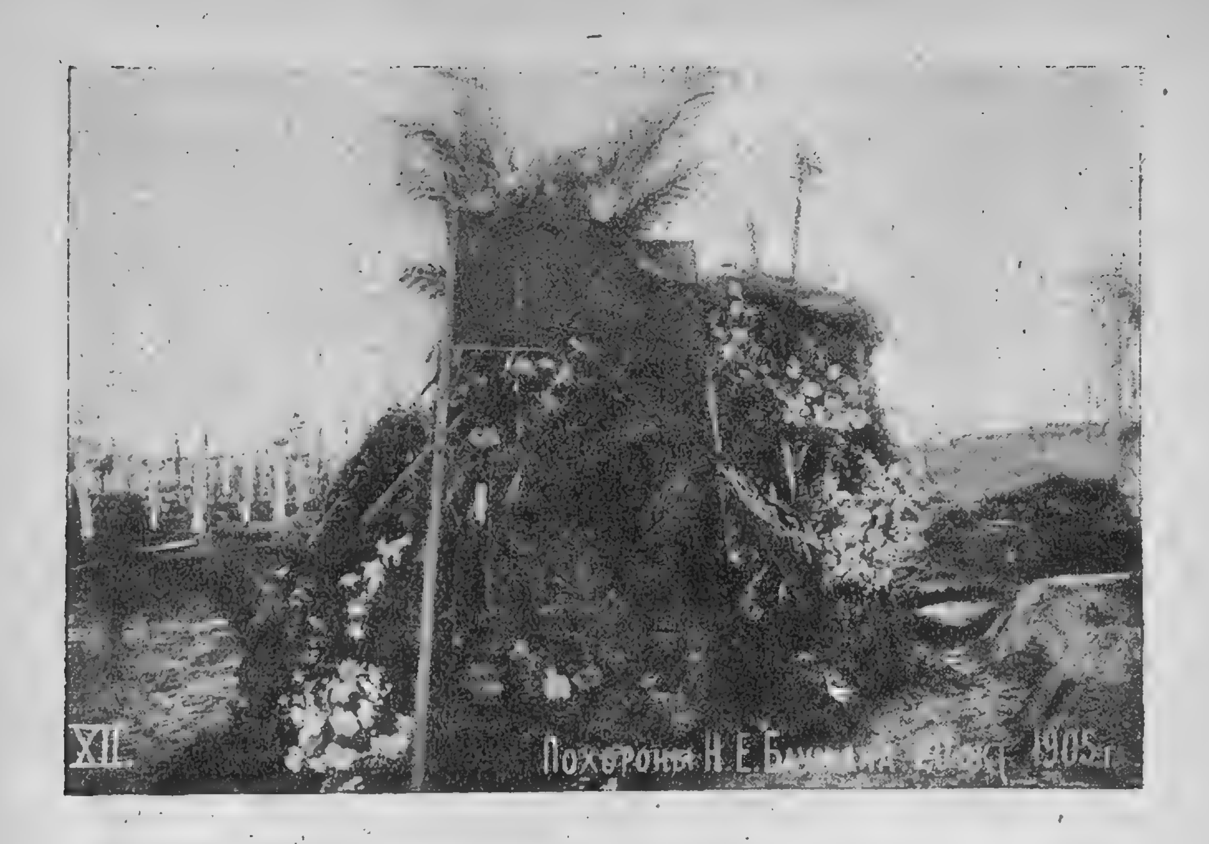
„Путь к Октябрю", выпуск III, Коопер. Изд-во „Моск. Рабочий", 1923 г., стр. 185.

Похороны Баумана ... октября 1905 г.

ДЕЛО МОО

О беспорядках в 1905-м году

Копия.

По описи № — 785 — 905 года.

I

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ.

20 октября состоятся похороны нашего товарища Николая Баумана.

Его зверски, предательски убил черносотенец в то время, когда с красным знаменем в руках он, во главе рабочих, направился к Таганской тюрьме освобождать политических арестованных.

Товарищи. Покойный около десяти лет работал на пользу пролетариата, все время стоял на посту и умер на посту.

Устроим же ему торжественные похороны, почтим же его память. Он заслужил это.

Вынос тела из Технического училища утром.

Московская Группа
Московский Комитет
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

II

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ.

18 октября у Технического училища убит Николай Эрнестович Бауман, наш товарищ социал-демократ, талантливый и смелый партийный работник, только на-днях освобожденный из Таганской тюрьмы, где он просидел около полтора года. Он шел впереди толпы друзей с красным знаменем в руках, на него бросился из-за угла какой-то зверь из черной сотни и убил его. Заслуги покойного перед нами были велики, но не будем говорить о них, мы все теперь стоим лицом к лицу со смертью, и каждому, кто мужественно погибнет на своем посту,—вечная память и слава. Не оскорбим же похвалой памяти героя, ибо герои—выше похвал, но сохраним светлую память о нем в наших сердцах.

Но мы люди, мы гордо можем сказать про себя, что мы лучшие люди нашей страны, она кормится нашей силой, мы смываем ложь и грязь с нее нашей кровью, это мы завоевали ей свободу, мы люди, и нас нельзя убивать на улицах, как собак. Мщения, товарищи! За каждого из нас мы все должны единодушно встать для мщения нашему общему врагу, кровь каждого из нас должна быть смыта кровью тех, кто проливает нашу кровь, как воду. Мщение. Мы дети нужды и труда, мы братья по духу и плоти—все—за одного, один—за всех. Черная сотня, товарищи, последняя опора правительства воров и убийц, черная сотня — это тупые, темные люди-звери, слепое оружие в руках наемных подстрекателей к убийствам. Эти подстрекатели гнусные лакеи царя, сидящие в „Московских Ведомостях“ и „Дне“, их имена—Грингмут, Берг, Петрович, Шмаков и епископ Никон, приказавший попам проповедывать в церквах, что социал-демократы обманщики и грабители, что нужно убивать их. Товарищи, вот как борется с нами наш царь, на душе которого уже миллионы убийств, вот как действуют его наемники, убивающие нас, за деньги из-за угла. Мщение, товарищи! Пора смести с лица русской земли всю эту грязь и гадость, позорящие ее, пора нам взяться за оружие для решительного удара.

Готовьтесь к вооруженному восстанию, товарищи, не давайте черной сотне безнаказанно вырывать борцов из рядов наших. Будьте горды и смелы. Помните, вы дали России свободу, вы имеете право на возмездие за преступление над вами, вы должны мстить, дабы убийцы чувствовали силу вашу.

Московский Комитет и Московская группа РСДРП.

Октябрь 1905 г. Типография Московского Комитета.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Фотография копии показания привлеченного по первому делу Баумана на одном из допросов

94

Копія

ПРОТОКОЛЪ №

1897 года Октября [illegible] дня въ г. С.-Петербургѣ, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ [illegible]

на основаніи ст. 1035 Уст. Угол. Судопр. (Судебныхъ Уставовъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Втораго, изд. 1883 г.) въ присутствіи Товарища Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда С. Н. [illegible]

допрашивалъ обвиняемаго, которое въ дополненіе своихъ объясненій отъ ——— показалъ:

Зовутъ меня Николай [illegible] [illegible]

[illegible] 1896 [illegible]

[illegible]

[illegible]

Д. № 96, т. II, 1897 г. д—та пол., 4 дел-во о лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организац., именующейся „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса".

Копия.

Протокол

1897 года октября 7 дня в г. С.-Петербурге, я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Кузубов, на основании ст. 1035 Уст. Угол. Судопр. (Судебных Уставов Императора Александра Второго, изд. 1883 г.) в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского Окружного Суда С. Я. Утина допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих об'яснений показал:

Зовут меня Николай Эрнестович Бауман.

Я и в настоящее время ничего не желаю изменить из сказанного мною при первом допросе. Отобранный у меня по обыску револьвер и к нему шесть патронов куплены мною в 1896 году в Саратове с целью пользоваться им, как ветеринарному врачу, в случаях убиения заразных и неизлечимых животных.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Ад'ютант Управления, ротмистр Домбровский.

Н. Э. БАУМАН В ССЫЛКЕ

Вятка знала Баумана, т. к. он был тоже одним из многих подневольных ее жильцов, которых самодержавие бросало в ссылку. Баумана знали вятские помпадуры в роде губернатора Клингенберга, столь прославившегося своими подвигами в Вятке.

Сообщая о жизни Баумана в Вятской губернии в качестве ссыльного за период 17 января 1899 г. по 15 октября 1899 г., мы имеем в своем распоряжении только одно дело канцелярии губернатора о высланном под гласный надзор полиции ветврача Н. Э. Баумана.

Найти материал о Баумане из архива жандармского управления или орловского исправника не удалось, но, зная, что несомненно они были, т. к. он часто ездил в Вятку и шпики, конечно, доносили о каждом его шаге в жандармское управление и полицмейстеру.

Более полные сведения могли бы быть из архива исправника, но от него видно следов осталось очень мало, как и от всех уездных архивов, поэтому данное сообщение носит односторонний, полицейский характер.

Дело Баумана от начала высылки до последних дней пребывания в Вятской губернии рисуется в таком виде:

Петербургский градоначальник отношением от 30-го декабря 1899 г. извещает вятского губернатора, что „Государь император по всеподданнейшему докладу министра юстиции по обвинению ветеринарного врача Н. Э. Баумана в государственном преступлении в 12 день декабря 1898 г. высочайше повелеть соизволил: разрешить означенное дело в администра-

тивном порядке с тем, чтобы по вменении Бауману в наказание предварительного содержания под стражею выслать его под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года".

Как известно, Бауман был привлечен по делу петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса".

Градоначальник далее извещает, что срок считать со дня высочайшего повеления. Получив такое извещение 6 января 1899 г., губернатор Клингенберг 11 января сообщает вятскому полицмейстеру и орловскому исправнику, чтобы они приготовились к его встрече. Бауман, как видно, был еще где-то в пути, а петербургский градоначальник отношением от 5-го января предписывает губернатору об'явить под расписку Баумана извещение департамента полиции и возвратить ее с распиской в Петербург. Губернатор в свою очередь предписывает провести в жизнь это орловскому исправнику.

После отношения в Вятку градоначальника на имя губернатора прислали отношение Департамента полиции от 8/I—99 г., в котором губернатор извещается, что по высочайшему повелению в Вятскую губернию высылаются: ефрейтор из дворян В. В. Пазухин, дочь статского советника К. Н. Приходькова, ветврачи В. Г. Сущинский и Н. Э. Бауман, сын купца врач М. Як. Ситников, студенты СПБ Технологического Института А. Ф. Спицин, С. П. Козьмин и В. П. Митров, Харьковского Технологического Института, дворянин В. Ев. Солодилов, СПБ Университета сын подполковника Н. Ф. Пономарев, дальше идут: дворянка В. Ю. Маслоковец. Гр. Ив. Яринский, Ан. Ав. Немвицкий и К. Ив. Захарова. Только последняя получила 2 года гласного надзора в месте жительства родных в гор. Орлове, остальные все вместе 44 года гласного надзора в ссылке.

В этом отношении сообщается, что вместе с тем по особой описи посланы личные документы Приходьковой, Сущинского, Баумана и Миртова. Говоря о такой группе высланных в Вятку, не нужно думать, что это участники по одному и тому же делу. Нет, наоборот. Полиция редко практиковала такую форму высылки. В целях раздавить провалившуюся организацию идейно и организационно участников ее направляли в разные места.

Пометка на отношении показывает, что личные документы указанных лиц находятся в деле Миртова, хотя в последнем их не оказалось. Из документов Баумана должны быть:

1. Бессрочная паспортная книжка от 28 ноября 1896 г. за № 216.

2. Запасно-отпускной билет от 12 января 1896 года за № 542.

3. Временное свидетельство от 20 мая 1895 г. за № 625 об окончании курса Казанского Ветеринарного Института.

4. Свидетельство Саратовской губернской земской управы от 24 октября 1896 г. за № 2886 об усердии к службе.

5. Диплом на звание ветеринарного врача от 23 августа 1895 г. за № 976/501.

Выбывший с проходным свидетельством из Петербурга 30 декабря 1898 г., в Вятку Бауман прибывает 17 января 1899 г., откуда 17 января из Вятки с пароходом в г. Орлов.

21 января губернатор препровождает орловскому исправнику личные документы и извещение департамента полиции, при чем личные документы предписывалось хранить в деле, а извещение об'явить Бауману и с распискою его возвратить губернатору для направления в департамент полиции.

Исправник рапортом от 27 января доносит, что за Бауманом, по прибытии его в Орлов, с 22 января надзор учинен. Этим рапортом исправник также сообщает, что ему извещение департамента полиции об'явлено, в чем он расписался; об'явлено также ему предписание губернатора, чтобы в случае ходатайств или просьб не обращаться непосредственно к министру внутренних дел или в департамент полиции, а для ускорения дела—к нему, г. губернатору.

При этом же рапорте исправник прилагает анкету—опросник сведений, касающихся Баумана (см. приложение).

4-го февраля губернатор препровождает в департамент полиции вышеуказанное извещение и ведомость—выборку из опросника Баумана исправником.

Сведения ведомости разбиты на четыре графы и касаются следующих вопросов:

1. Фамилия, (печатный шрифт, имя, отчество и звание, место родины и вероисповедание (прописью).

Бауман Николай Эрнестович—ветеринарный врач. Уроженец г. Казани. Лютеранин.

2. По какому распоряжению (печатный шрифт), за что именно, откуда и куда выслан.

Прописью: По высочайшему повелению, последовавшему 12 декабря 1898 г. по всеподданейшему докладу министра юстиции, из'ясненному в отношении департамента полиции от 8 января 1899 г. № 94, выслан за государственное преступление из С.-Петербурга в Вятскую губернию.

3. С какого времени (печатно), какому надзору или ограничениям подвергнут и на какой срок (письменно).

С 12 декабря 1898 г. гласному надзору полиции на четыре года.

4. Где водворен на жительство (печатно), чем занимается и получает ли от казны пособие и в каком размере. Если имеет семейство, из кого оно состоит и где находится (прописью).

В г. Орлове. Занятий не имеет и пособий от казны не получает. Имеет отца Эрнеста Андреева Бауман—56 лет, мать Анну Карловну—54 лет, брата Александра—28 лет, Эрнеста—24 лет, Петра—20 лет и сестру Эльзу—21 года. Александр и Эльза проживают в Казани, Эрнест в Н.-Новгороде, Петр в С.-Петербурге.

Как опросник исправника, так и ведомость о поднадзорных губернатора мы привели целиком для более полных биографических сведений о Баумане.

В опроснике и последнем параграфе ведомости показано, что Бауман ремесел никаких не знает, средств для существования не имеет и пособия от казны не получает. Практикой ветеринарного врача безусловно ему не разрешили бы заниматься, но из дела видно, что он и не просил, а вот относительно денежных пособий от казны он написал прошение губернатору уже 23 января, т.-е. на второй день по прибытии в Орлов. Получив его прошение 26 января, канцелярия губернатора, согласно резолюции на прошении, запрашивает сведения от казанского губернатора, отношением от 1 марта, что „не имеет ли Бауман недвижимой собственности, получает ли с оной доход и в каком количестве, и не может ли его отец Эрнест Андреев Бауман оказать сыну какую-либо помощь“.

Аппарат губернатора, как видно, в таких случаях работал медленно. Месяц с лишним лежало прошение с резолюцией для того, чтобы родить мышь—сделать запрос в Казань. Со дня подачи заявления о пособии Бауман молчал и только 10 марта прислал губернатору телеграмму, прося у него разрешения приехать в Вятку для совета с врачами о своей болезни. Губернатор, желая иметь основание для удовлетворения просьбы, телеграммой этого же числа извещает исправника, чтобы он произвел с врачем освидетельствование Баумана и акт прислал бы губернатору. 11 марта исправник уже пишет рапорт, что „распоряжение ваше исполнено и при сем прилагаю акт о состоянии здоровья на ваше усмотрение".

Городской врач Войналович, в присутствии исправника освидетельствовав Баумана, нашел, „что его общее состояние здоровья вполне удовлетворительно, страдает завалом кишек и кариозным поражением зубов, каковое страдание (кариозное поражение зубов не в сильной степени) требует возобновления пломбы, что в Орлове произвести за неимением специальных дантистов невозможно".

(Подписи врача и исправника).

Отношением от 15 марта исправнику сообщается, чтобы он об'явил Бауману, что ему разрешена отлучка в г. Вятку на три дня. Одновременно сообщается и вятскому полицмейстеру, чтобы он взял Баумана под надзор и о времени прибытия и выбытия сообщил губернатору.

Запрошенный 1 марта казанский губернатор о наличии недвижимого имущества у Баумана ответил отношением от 16 марта, что таковой он не имеет. „Что же касается отца его, Эрнеста Андреева Баумана, то последний, состоя на службе в правлении Казанского округа путей сообщения в качестве наблюдателя за столярной работой, получает жалования 50 рублей в месяц, каковой суммы едва хватает на содержание проживающих совместно с ним членов семьи, состоящей из жены и четырех детей, а потому оказывать какую-либо помощь названному сыну Николаю он не в состоянии".

Разрешение губернатора о поездке Баумана к врачам в Вятку исполнилось очень быстро: 17 марта ему дано проходное свидетельство с маршрутом следования.

Чем об'яснить такое быстрое продвижение? Но 18 марта Бауман прибывает в Вятку, и этого же числа уезжает обратно в Орлов. Вятский полицмейстер, будучи этим доволен в одном и том же рапорте сообщает губернатору и добавляет, что им своевременно сообщено о его выбытии орловскому исправнику. Указаний в деле, куда в Вятке обращался Бауман по поводу болезни, с кем виделся, какой врач, или врачи его осматривали,—этого нет.

От мартовской поездки до июня о Баумане „дело" ничего не сообщает.

8-го июня исправник сообщает губернатору, что к Бауману 4-го сего июня приехала сестра его, ученица 2-го класса Казанской земской фельдшерской школы, Елизавета (так пишет исправник) Эрнестовна Бауман.

Безусловно такое важное событие в жизни поднадзорного ссыльного имеет важное значение для всего государства Российского, поэтому губернатор сейчас же строчит в департамент полиции, что к Бауману приехала будущая фельдшерица сестра Эльза Бауман.

Как видно из дела, сестра долго жить в Орлове не собиралась, имея намерение в конце июня отбыть в Казань. Бауман, желая проводить до пределов Вятской губ. сестру, написал 19 июня губернатору об этом прошение. Удовлетворить такую просьбу, видимо, губернатор совсем не желал, но все же он, как джентльмен из прибалтийских баронов, запросил 25 июня исправника: „есть ли надобность для проводов его сестры"?

Бауман писал в своем прошении, что сестра выедет в конце июня, но ответный рапорт исправника на отношение губернатора помечен 17 июля. Исправник пишет, что „в проводах сестры совсем нет надобности, т. к. сестра совершенно здорова, прибыла в Орлов и везде и всюду ездит одна, а просит Бауман об этом единственно для того, чтобы только прокатиться на пароходе для своего развлечения". На это прошение Баумана губернатор изволил наложить запрет, и отношением от 25 июля об этом сообщено исправнику для сведения Баумана. В „деле" нет указаний на точное время срока совместного пребывания с ним сестры Эльзы; даты имеющейся

переписки говорят, что жила она у него никак не менее 1½—2 месяцев.

Чем занимался повседневно за это время Бауман, неизвестно, но вот 11 сентября он опять уже тревожит покой губернатора прошением. В этом прошении он снова просит разрешить ему поездку в Вятку „для совета с доктором относительно дальнейшего лечения хронической болезни („завала кишек“), которая была констатирована у меня медицинской комиссией“. (Осмотр доктором Войналовичем к. с.).

20 сентября губернатор предписывает исправнику: 1) Об'явить Бауману, что ему разрешается отлучка в Вятку на 2 дня. 2) Выдать ему проходное свидетельство и сообщить вятскому полицмейстеру. Последнему независимо от этого предписано так же, как и в тот раз, взять под надзор Баумана по прибытии в Вятку и донести губернатору.

Исправник выдал Бауману свидетельство 23 сентября, того же числа он выбыл в Вятку, прибыв туда 24 сентября, как видно из сообщения полицмейстера губернатору.

На этом документе вятская история жизни Баумана в ссылке кончается. Дальше в деле материалов, говорящих о пребывании и отбытии Баумана из Вятки, нет сведений о прибытии в Орлов, но только рапорт исправника от 20 октября 1899 г. сообщает губернатору, что Бауман 15 октября неизвестно куда из Орлова скрылся. Исправник сразу принял решительные меры к розыску, сообщив всем становым приставам своего уезда, уездным исправникам всей губернии, а также Никольскому и Усть-Сысольскому исправникам Вологодской губернии. Губернатор, судя по содержанию второго рапорта, видно, дал предписание исправнику произвести тщательный обыск в квартире Баумана.

Результаты обыска ничего не дали, так как в рапорте от 27 октября исправник пишет, что в незапертой квартире Баумана предосудительного в его имуществе не найдено, исключая картины, которую исправник препроводил губернатору. Что это за картина, в рапорте не указано. С какой стороны она предосудительна, тоже неизвестно.

Губернатор прежде всего сообщает о побеге Баумана своим коллегам губернаторам в смежных—Казанской, Пермской,

Уфимской, Костромской, Вологодской губерниях с просьбой сделать об этом распоряжение вверенным им чинам полиции. Извещается также московский обер-полицмейстер. Этого же 30 октября извещается о побеге департамент полиции, причем картину, найденную в квартире Баумана, губернатор препроводил в Петербург. Побег, как оказалось, был удачен, чины полиции как Вятской, так и смежных губерний не могли задержать Баумана. Уже 10 февраля 1900 г. костромской губернатор, 5 апреля—казанский, 18 июля—уфимский—сообщали, что на территории их губерний жительство Баумана не обнаружено.

Между прочим, департамент полиции периодически сообщал всем губернаторам и подведомственным чинам полиции списки убегавших ссыльных. В одном из таких списков от 13 декабря 1899 г. был помещен под № 1 Бауман со всеми его приметами.

Возможно, что вятская администрация считала потерянным для себя Баумана, т. к. срок со дня побега проходил большой, а извещение о поимке ниоткуда не поступало.

И вот уже 20 февраля 1902 г. воронежский губернатор сообщает вятскому, что в с. Хлебном, Задонского уезда, Воронежской губ. 11 февраля задержан ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман. Сообщив показания Баумана при его задержании, губернатор сообщает, что он направлен в распоряжение вятского губернатора 16 февраля.

Вятский губернатор сейчас же дал знать тем, кому сообщалось при побеге, что в дальнейшем розыске скрывшегося 15 октября 1899 г. Баумана нет надобности.

Департамент полиции также был запрошен о том, что стоит ли Бауману срок самовольной отлучки (побег) вычесть или прибавить из его 4-х летнего отбывания ссылки под надзором полиции в Вятской губернии.

7 мая департамент полиции сообщает, что время, проведенное ветеринарным врачем Николаем Эрнестовичем Бауманом в самовольной из места водворения отлучке и исчисляемое со дня побега Баумана по день его задержания, должно быть прибавлено к определенному названному лицу сроку гласного надзора полиции.

В основом деле переписка канцелярии вятского губернатора на этом заканчивается. Дальше уже вся переписка под-

шивалась к приложенному здесь же делу задонского исправника о ветеринарном враче Н. Эр. Баумане. Из указанного дела поимка Баумана рисуется в таком виде.

Хлебненское волостное правление сообщает 11 февраля 1902 г. приставу 2-го Задонского уезда, что в названном селе задержан неизвестный, назвавшийся курским мещанином Николаем Васильевичем Петровым, которого и препроводили в стан.

Отправленный к приставу Бауман 11 февраля был заключен в Задонскую тюрьму. При опросе приставом Бауман еще скрывал свое имя и показывал, что „принадлежит он к мещанам гор. Курска, 27 лет, вероисповедания православного, женатый на девице Екатерине Васильевне, живет в Костроме, под судом и следствием не состоял и не состоит, прибыл в пределы Задонского уезда случайно, по расстроившемуся душевному состоянию из г. Воронежа, родных и знакомых не имеет и лиц, кои могли бы удостоверить его самоличность, указать не может, а равно и нет паспорта, а потому я, пристав 2-го стана, постановил и т. д. Задонское полицейское управление".

Не выявив своей личности у пристава, Бауман уездному исправнику сказал точно, кто он таков. Эти показания Баумана уже нам знакомы по вятским документам.

В протоколе сказано, что Бауман показал: он сын митавского гражданина Эрнеста Эрнестовича Баумана (в вятских документах Андреевича), родился 17 мая 1873 г., образование получил в Казанской II гимназии и в Казанском Ветеринарном Институте, в последнем окончил курс в 1895 г., состоял на службе в Саратовском земстве до осени 1896 г., в том же году переехал в Петербург, занимался там частной практикой и 20 марта 1897 г. был арестован по подозрению в политическом преступлении. По окончании дела административным порядком, в декабре 1898 г. был освобожден из Петропавловской крепости и сослан в Вятскую губернию в г. Орлов на четыре года, в Орлов прибыл в первых числах января 1899 г., а осенью того же года оставил без разрешения г. Орлов и скрылся за границу, где находился до декабря 1901 г., возвратясь в Россию, проживал в разных местностях у разных лиц, а сего числа, прибыв в с. Хлебное Задонского уезда,

был задержан и препровожден к местному приставу, а им в полицейское управление".

Пристав постановил: до отсылки по принадлежности заключить в пересыльное отделение Задонской тюрьмы, а между тем навести справку. При деле имеется справка, что все приметы Баумана, опубликованные в циркуляре департамента полиции от 13 декабря с приметами задержанного, вполне сходны. В это же время после дознания у Баумана исправником был произведен обыск в присутствии начальника тюрьмы, секретаря полицейского управления и старшего надзирателя тюрьмы. Найдено у Баумана следующее: шапка черного каракуля, черный шелковый платок, пальто черное драповое на вате и клетчатой подкладке с круглым каракулевым воротником, пиджак черный триковый и таковые же жилет и брюки, тесьменные подтяжки с кожаными наконечниками, полотняная сорочка с отстегивающимися воротником и обшлагами, шелковый темный галстух, белые полотняные кальсоны, нитяные темно-синие чулки, штиблеты кожаные на пуговицах, мелкие резиновые галоши, вязаная теплая фуфайка серого цвета, портмонэ коричневой кожи с 3 руб. 42 коп., металлическая булавка для галстуха, грудная запонка металлическая, черной кожи бумажник, в котором находятся почтовые марки, две семикопеечные и одна десятикопеечная, календарь—записная книжка на 1902 г., с вырванным листом, круглое зеркальце в металлической оправе, щетка для усов в футляре, ручка автомата, кусок карандаша, 2 пары ручных запонок—одна металлическая, другие перламутровые, в бумажке кусочек черного расплюснутого фиксатуара, ключик, как заявил Бауман, от сака, сданного им на хранение на Воронежском вокзале по прибытии в г. Воронеж, гребешок для волос, теплые на меху перчатки с двумя запонками, металлический наконечник для карандаша, дымчатые очки и обручальное кольцо. После таких предварительных знакомств о Баумане, исправник 12/11 сообщает телеграммой в Воронеж губернатору. Последний предписывает сообщить, при каких обстоятельствах (когда и где), с какими документами задержан и не числится ли Бауман уже пойманным.

Исправник ответил, что как показания, так и приметы Баумана говорят за то, что это--он. Конечно, постановили напра-

вить в Вятку. Прилагаемую здесь карточку прислал вятскому губернатору вместе с рапортом задонский уездный исправник.

Когда Бауман проходил все задонские мытарства, вятский губернатор и департамент полиции, как уже сказано выше, занимались подсчетом, сколько еще времени быть ему в ссылке. Предписание департамента полиции от 7 мая губернатор с точностью исполняет, подсчитав, что 2 г. 3 м. и 15 дней, которые Бауман был в отлучке, нужно прибавить к установленному четырехлетнему сроку. Не успокоившись этим, департамент полиции заинтересовался большим и просит губернатора отношением 13 ноября 1902 г. сообщить, когда же именно истечет срок гласного надзора Баумана, если вы ему прибавите 2 г. 3 м. 15 дней. В Петербурге этого подсчитать не могли. Как видно из хода дела, вся эта переписка была тогда, когда Бауман был для губернатора еще в „нетях". Эта просьба департамента полиции не остается без ответа, но губернатор все же точно не отвечает, „когда именно истекает срок". Он видимо сам этого не знал, потому и пишет 28 ноября, что-де мы ему прибавили 2 г. 3 м. и 15 дней и баста. Вся беда была в том, что Бауман-то не был в Вятке и если департамент полиции запрашивает о сроках для Баумана, то это недоразумение какое-то, т. к. Бауман в Вятку еще не возвращался и как видно из циркуляра департамента полиции всем губернаторам от 21 августа с. г. за № 5350 он 18 того же августа бежал в числе прочих лиц из Киевского тюремного замка.

Сообщил К. Сидоров.

СПИСОК

о состоящем под гласным полицейским надзором в г. Орлове, Вятской губернии, ветеринарном враче Николае Эрнестовиче Баумане.

Составлен 25 января 1899 года.

Вопросы:	Ответы:
1. Имя, отчество, фамилия и звание.	Николай Эрнестович Бауман, ветеринарный врач.
2. Место родины.	Гор. Казань.
3. Вероисповедание.	Лютеранское.
4. Лета.	25 лет.
5. Грамотность, или место воспитания.	Окончил курс в Казанском Ветеринарном Институте.
6. Был ли под судом или следствием.	Не был.
7. Женат или холост, если женат, то на ком.	Холост.
8. Имеет ли детей и если имеет, то их имена и лета.	Не имеет.
9. Имеет ли родителей, и кого именно, лета их, место жительства.	Имеет отца Эрнеста Андреевича Баумана, 56 лет и мать Мину Карловну, 54 лет, проживающих в городе Казани.
10. Имеет ли родных братьев, сестер, их имена, лета и место жительства.	Имеет братьев: Александра 28 л., Эрнеста 24 л., Петра 20 л. и сестру Эльзу 21 года, проживающих: Александр и Эльза в г. Казани, последняя обучается в фельдшерской школе, Эрнест в г. Н.-Новгороде на службе в обществе путей сообщения, Петр обучается в мореходных классах в г. С.-Петербурге.
11. Следует ли за ним в место высылки кто либо-из его семьи и кто именно, и не следует ли кто-либо из посторонних лиц.	Никто не следует.
12. Если семейство за ним не следует, то где будет проживать после его высылки.	Отец, мать, братья и сестра в местах, означенных в пунктах 9 и 10.

Вопросы:	Ответы:
13. Имеет ли собственные средства к существованию и в чем они заключаются.	Средств к существованию никаких не имеет.
14. Знает ли какое ремесло.	Не знает.
15. Чем до сего времени добывал себе средства существования, как сам он, так и его жена.	Службой в земстве в качестве ветеринарного врача.
16. Имеют ли родители какое-нибудь состояние.	Состояния никакого не имеют.
17. По какому распоряжению и за что именно учрежден гласный полицейский надзор.	По высочайшему повелению, последовавшему по всеподданнейшему докладу г. Министра Юстиции в 12 день декабря 1898 г., изложенному с предписания Его Превосходительства господина Вятского Губернатора от 11 января 1899 г. за № 43, за государственное преступление.
18. Срок надзора и с какого времени его надлежит считать.	На 4 года, сроком по 12 дек. 1902 г. в г. Орлове с 22 января 1899 г.
19. Куда выслан, или же надзор учрежден в месте его жительства.	Из гор. С.-Петербурга выслан в гор. Орлов, Вятской губернии.

Уездный исправник (подпись).

Секретарь Кондратович.

АРЕСТ БАУМАНА

В феврале 1902 года в Киеве был арестован Бауман. Директор департамента полиции Зволянский, в виду важности этого ареста, немедленно составил „памятную записку“, которую министр внутренних дел Сипягин доложил 28 февраля Николаю II. В этой записке сообщается:

„Ветеринарный врач Н. Э. Бауман в 1897 году привлекался к дознанию по делу о СПБ союзе борьбы за освобождение рабочего класса“, при чем установлено, что он был одним из главных организаторов тайных кружков среди петербургских рабочих и снабжал последних нелегальной литературой. По высочайшему повелению, последовавшему в 12 день декабря 1898 г., Бауман, по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губ. на 4 года. В виду сего Бауман водворен был на жительство в г. Орлове, откуда 15 октября 1899 г. скрылся и бежал за границу. При наложении охраны на оставленное Бауманом в г. Орлове имущество найдена аллегорическая картина, изображающая призыв рабочих к свободе. Принятыми к розыску Баумана мерами выяснилось, что по прибытии за границу он немедленно примкнул к „Союзу русских с.-д.“ и явился представителем означенного „союза“ в Цюрихе. Затем Бауман принял участие в происходившем 5/18 апреля 1900 г. в Женеве частном с'езде с.-д.

Из последующих агентурных сведений устанавливается, что Бауман принимал участие в деятельности редакции с.-д. газеты „Рабочее Дело“, а затем примкнул к вновь образовавшейся революционной организации „Искра“ и стал работать в типографии означенной группы в качестве наборщика, кроме того на него, как серьезного деятеля и практического человека,

было возложено распределение изданий „Искры“ между всеми выдающимися центрами Германии, а также водворение искровских транспортов в империю. Прибыв в декабре истекшего года нелегально в Россию, Бауман вошел в сношение с представителем киевской группы организации „Искры“ Виктором Крохмалем, при чем наблюдением установлено, что он 2 минувшего января виделся с названным лицом в Москве, а с 8 с. февраля в Киеве ночевал в квартире Крохмаля; в тот же день Бауман в сопровождении наблюдения выехал в Воронежскую губернию, где 11 с. февраля арестован в с. Хлебном, Задонского уезда.

Первоначально Бауман назвался курским мещанином Николаем Петровым, но когда расспросы коснулись подробностей его прошлой жизни, то признал свою настоящую фамилию. Бауман будет отправлен под конвоем в Киев для привлечения его к возбужденному при местном губ. жанд. управл. дознанию по делу о революционной организации „Искры“.

Независимо от изложенного имеются нижеследующие агентурные сведения, которые могут иметь отношение к арестованному Бауману: при наблюдении за шифрованной перепиской членов организации „Искры“ было обращено внимание, что корреспонденты особой конспирацией обставляют деятельность двух наиболее серьезных лиц, которых называли лишь кличками „Аким“ и „Грач“. Означенные указания в связи с имеющимися сведениями заграничной агентуры, что эмигранты опасались обнаружения полицией пребывания Баумана в России, так как, по мнению их, арест его явится трудно вознаградимой потерей для революционного дела, дают основание предположить, что Бауман носил кличку „Акима“ или же „Грача“ [1]).

Как мы уже упоминали, о всех важных событиях по департаменту полиции Николаю делались доклады. Как известно, Бауман вскоре бежал из киевской тюрьмы. Николаю об этом, конечно, не доложили. Ведь только что порадовали его арестом.

Сообщил Н, Ростов.

---

[1]) Историко-Революционный Вестник „Каторга и ссылка“, № 3 (16).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Нас просят огласить следующий позорный факт:

„Просим огласить следующий факт: Бежавший в 1899 г. из Вятской губ. Бауман (ветеринарный врач, служивший в Саратовском земстве в 95—96 г.), удачно скрывшись от преследований шпионов, попал случайно в совершенно незнакомую местность, село Хлебное, Задонского уезда, Воронежской губ. Измученный голодом и продолжительной дорогой пешком, он решил обратиться за содействием к самому интеллигентному представителю деревни, к земскому врачу Валериану Вележеву. Продолжать путь пешком не представлялось возможным, так как городской костюм обращал всеобщее внимание, кроме того, Бауману не удалось в течение суток встретить человека, который мог указать на ближайшую станцию железной дороги. Явившись к Вележеву, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и попросил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа, и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала, от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск. Вначале было решено препроводить Баумана этапом в Вятскую губ., в место прежней его ссылки. Так он проследовал до Уфы. В Уфе его задержали и отправили в Киев. Теперь он сидит в киевской тюрьме. Арестован он был 10-го февраля".

Долг сослуживцев Вележева наказать предателя открытым выражением презрения.

„ИСКРА" № 20 от 1-го мая 1902 г.

Письмо в редакцию. Факт предательства Вележева вполне правильно изложен в № 20 „Искры". К этому могу добавить только следующее: перед началом разговора с Вележевым я спросил его, одни ли мы в квартире. Вележев ответил утвердительно, что в квартире, кроме нас, никого нет, и что я могу говорить вполне откровенно. В течение нашего разговора, Вележев выходил два или три раза под предлогом посещения амбулатории.

Вскоре по уходе Вележева в последний раз явилась женская прислуга и потребовала от имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я заметил в одной из комнат находящегося в засаде дворника, который старательно прятался от моих взоров. Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев.

Женева, 20 декабря н. с. 1902 г. Н. Бауман.

„ИСКРА" № 33 от 1 февраля 1903 г.

Д. № 2165, 1904 г., 7 дел-ва д-та пол. „О революционной деятельности представителей Центрального К-та РСДРП в Северном районе России".

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

по производящемуся при московском губернском жандармском управлении дознанию об организационной деятельности представителей „Центрального Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии" в Северном районе России (Лит. А от 3 июля 1904 года за № 11563).

По имеющимся в распоряжении Московского Охранного Отделения сведениям, Центральный Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии", озабоченный частыми провалами своих организаций в крупных центрах Империи и приписывая таковые провалы как несовершенству самого типа местных организаций, так и неопытности своих делегатов, командировал в Россию весьма выдающихся революционных деятелей—Николая Эрнестова Баумана и лицо, действительная фамилия коего не установлена, а арестован он под именем Артура Циглера [1]).

Прибыв в Москву, Бауман, Циглер и присоединившаяся к ним Елена Дмитриева Стасова завязали сношения с представителями отдельных социал-демократических организаций городов северного района России—Ярославля, Костромы и Нижнего Новгорода и направили в дальнейшем свою деятельность на попытку сосредоточить и об'единить работу упомянутых организаций.

Посредничество в сношениях заграничного „Центра" и представителей его в северном районе взяла на себя служащая в Бактериологическом Институте Зинаида Александрова Иванович, которая, кроме того, озабочивалась приисканием явочных квартир, в которые приезжали представители отдельных организаций за получением инструкций от „Центра", а также приисканием квартир для регулярных собраний представителей центра и отдельных организаций. Таковыми квартирами были квартиры сослуживцев Иванович по Институту: докторов Канеля и Левенсона, художника Фидели и бухгалтера Матусевича, и знакомых Иванович докторов Бродского и Соколова.

В целях прекращения преступной деятельности организаторов и в виду полученных сведений о том, что некоторые из них намереваются скрыться, 19 прошлого июня были произведены обыски и аресты их, а также лиц, в отношении коих имелись сведения, что они причастны к деятельности организаторов.

1-го сего июня весь материал по сему делу был передан начальником Московского Охранного Отделения в распоряжение начальника Московского губернского жандармского управления, при записке от 30 июня за № 6159.

По обсуждении вышеизложенного и по рассмотрении данных, получен-

---

[1]) т. Ленгник.

ных при обысках, при названном Управлении было возбуждено дознание по делу об организационной деятельности представителей „Центрального Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии“ в северном районе России, к коему при настоящем положении дела привлечены в качестве обвиняемых в тяжком преступлении, предусмотренном 1 ч. 126 ст. Угол Улож., нижепоименованные лица.

I. Женщина, проживавшая в Москве и арестованная под именем дочери коллежского советника Надежды Константиновой Кузьминой, каковой однако в действительности не оказалось, ибо при обследовании отобранного при задержании ее паспорта на имя Кузьминой оказалось, что последняя умерла в октябре прошлого года в Саратове. Не отрицая сего обстоятельства, нелегальная назвать себя отказалась, равно как отказалась и от дачи каких бы то ни было показаний. Меры к установлению ее личности приняты.

По обыску в ее квартире обнаружено значительное количество социал-демократической литературы, рукописи, представляющие собою проекты прокламаций, и статьи и наброски, предназначенные, повидимому, или для помещения в революционных изданиях, или для отпечатания отдельными оттисками. В числе революционных изданий есть: 1527 экз. прокламации „Ко всем запасным рядовым“, 171 экз. несброшюрованного сочинения „Ко всему рабочему люду“, 47 экз. брошюры „Речь Леона Гольдмана“, 34 экз. брошюры „Урок истории“, 23 экз. печатного денежного отчета местного социал-демократического „Комитета“, 5 экз. № 53-го и 13 экз. № 54-го газеты „Искра“, 9 экз. несброшюрованного „Извещения о втором очередном с'езде Российской социал-демократической рабочей партии“ и др. На многих изданиях оттиски печати „Центрального Комитета“.

II. Бауман, Николай Эрнестов, 31 года, запасный ветеринарный врач, привлекавшийся в 1899 году при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по делу „Союза борьбы“ и в 1902 году при Киевском; первый раз бежал за границу из под гласного надзора полиции, второй раз туда же 18 августа 1902 года вместе с другими лицами из киевского тюремного замка. Где проживал за границей, когда возвратился в Россию, где проживал и когда возвратился в Россию, где проживал и когда приехал в Москву, сказать отказался. На вопрос о виновности или невиновности отвечать отказался, равно отказался вообще от дачи показаний.

Бауман был застигнут в квартире нелегальной Кузьминой.

III. Белянчиков, Иван Савельев, из крестьян Тверской губернии; назвав себя, от дальнейших показаний как о своей личности, так и по существу обвинения отказался. Привлекался при С-Петербургском губернском жандармском управлении и скрылся из-под гласного надзора полиции в Архангельской губернии.

Был задержан в квартире нелегальной Кузьминой, при чем оказался паспорт на имя мещанина Ивана Григорьева Голубева, по каковому паспорту Белянчиков и проживал в Москве.

По обыску у Белянчикова отобрано незначительное количество революционных изданий и рукопись тенденциозного характера.

IV. Тараева, Александра Михайлова, 28 лет, крестьянка Ярославской губернии, Угличского уезда, золотошвейка. Привлечена при С.-Петербургском губернском жандармском управлении, но не была разыскана (о розыске сообщено).

Проживала в квартире нелегальной Кузьминой, где и арестована. По обыску ничего преступного в политическом отношении не обнаружено.

Виновной себя не признала. Показала, что, приехав из С.-Петербурга для приискания работы, поселилась у Кузьминой случайно, сняв 1-го июня комнату по вывешенной у ворот записке.

V. Арестованный под именем Циглера Артура, имеет заграничный паспорт на имя германского подданного Артура Циглера, визированный в русской миссии в Мюнхене. Заявил, что он по-русски не говорит. Допрошен был через переводчика. Показал, что он—уроженец Нюренберга, живет постоянно в Страсбурге; монтер—буровой мастер. Средств не имеет, ибо капитал, на который жил, прожил. Заручившись рекомендательным письмом от некоего инженера Ракки, по системе которого работает в Москве специалист по артезианским колодцам—владелец технической конторы инженер-технолог Цуханов, приехал к последнему, прося место по специальности, каковое ему Цухановым и было обещано. В ожидании места поселился на даче в Перове. В Москве хотя и имел знакомых, но назвать их не желает. Найденные при обыске в квартире Циглера русские газеты, по его словам, оставлены кем-либо из его знакомых. Рукопись на русском языке—„Воспоминания о Джузеппе-Цинарделли одного многолетнего друга", писана в его, Циглера, квартире одним из его знакомых, назвать которого, а равно указать национальность его Циглер не желает. Свидетельскими показаниями Циглер изобличается в том, что отлично говорит по-русски,—а по агентурным сведениям, он—бежавший из Сибири административный ссыльный. К выяснению личности сего нелегального приняты меры. По агентурным указаниям, Циглер, Бауман и Стасова отличались особой энергией в своей организаторской деятельности.

Свидетель Цуханов показал, что Циглера узнал впервые, когда тот явился к нему с рекомендацией Ракки, прося места, какое он, Цуханов, и обещал Циглеру, но не успел предоставить.

По обыску у Циглера, кроме вышеупомянутого, обнаружено два флакона химических чернил для письма скрытым текстом.

VI. Стасова, Елена Дмитриева, дворянка, 31 года,—домашняя наставница; отец—присяжный поверенный в С.-Петербурге; братья: Андрей, столичный мировой судья (в С.-Петербурге), Сергей—служит в Переселенческом Отделе М. В. Д., Борис на Дальнем Востоке в 1-ом Отряде Георгиевской Общины; зять полковник Комаров—командир 93 пех. Иркутского полка. Привлечена при С.-Петербургском губернском жандармском управлении и разыскивалась.

В день ликвидации, будучи, повидимому, предупреждена о предстоящих арестах, скрылась, но 24-го июня была арестована в Нижнем-Новгороде, при чем у нее отобран паспорт на имя вдовы коллежского секретаря

Елизаветы Павловой Беклемишевой, под именем которой Стасова проживала и в Москве.

По обыску ничего явно преступного в политическом отношении не обнаружено.

На вопрос о виновности или невиновности, отвечать отказалась; равно отказалась вообще от дачи каких бы то ни было показаний.

VII. Иванович, Зинаида-Розалия Александрова, 37 лет, еврейка, принявшая лютеранство; замужем за германским подданным редактором издающейся в Берлине газеты жила 10 лет за границей, в 1900 году приехала в Россию; служит препараторшей в Бактериологическом Институте доктора Блюменталя.

По обыску не обнаружено ничего явно преступного в политическом отношении.

Роль Иванович в деле, в агентурном освещении, указана выше.

Виновной себя не признала, заявив, что совершенно не причастна к революционному движению. Правда, давала адреса своих знакомых врачей, художника Фидели и Матусевича, но только в тех случаях, когда приходилось рекомендовать их по специальностям; Матусевича рекомендовала, как птицевода и занимающегося разведением животных для бактериологических прививок. Никого из прочих обвиняемых, кроме сестры Пелагеи и брата Александра Шухгалтер, не знает.

VIII. Буданов, Дмитрий Дмитриев, 28 лет, инженер-технолог, не привлекался.

По сведениям Охранного Отделения, находился в сношениях с членами районной организации, что и подтвердилось свидетельским показанием.

По обыску ничего преступного в политическом отношении не обнаружено, кроме заметок на пишущей машине о непорядках в русской армии на театре военных действий, что можно рассматривать, как проект корреспонденции в революционные органы.

Не признав себя виновным, заявил, что ему совершенно ничего неизвестно о каких бы то ни было революционных организациях. Никого из прочих обвиняемых не знает.

IX. Сиротинский, Леонид Иванов, инженер-электрик, 26 лет, окончил специальное учебное заведение в Льеже, где был с 1899 по 1903 г.г.; служит в центральном электрическом обществе в Москве.

Наружным наблюдением были установлены сношения его с нелегальным Циглером и Стасовой.

По обыску—незначительное количество революционных изданий.

Виновным себя Сиротинский не признал; относительно знакомств вообще давать показания отказался.

X и XI. Шухгалтер—Александр и Пелагея Александровы; первый—студент Московского университета, 24 лет, вторая—учительница музыки, 40 лет; потомственные почетные граждане, крещеные евреи, брат и сестра Зинаиды Иванович (VII).

Наружным наблюдением были установлены сношения брата и сестры Шухгалтер с Стасовой и Циглер.

По обыску у Александра Шухгалтер обнаружено некоторое количество революционных изданий и запрещенных сочинений гр. Л. Толстого.

Виновными себя не признали, заявив, что сами не причастны к революционному движению и о причастности к таковому сестры Зинаиды Иванович ничего не знают. Пелагея Шухгалтер отметила, что Зинаида Иванович в последнее перед арестом время стала без видимых причин особенно нервна и раздражительна в отношении родных.

XII. Загайная, София Константиновна, 25 лет, дворянка, девица; привлекалась в 1902 году при Московском губернском жандармском управлении по делу о „Северном Рабочем Союзе" и была подчинена гласному надзору полиции в гор. Костроме на 2 года, в настоящее время привлечена при костромском губернском жандармском управлении.

Была арестована в Костроме вследствие установленных сношений ее с членами районной организации.

По обыску—мимеограф и флакон химических чернил.

Виновной себя не признала; от дачи всяких показаний отказалась.

XIII. Заварин, Александр Павлов; сын священника, 35 лет; привлекался в 1902 году при московском губернском жандармском управлении по делу о „Северном Рабочем Союзе", подлежал высылке в Восточную Сибирь на 4 года, но в августе 1903 года скрылся. Как входивший в состав районной организации, подлежал аресту при ликвидации 19 июня, в каковой день Заварин и был задержан на Нижегородском вокзале в Москве по возвращении его из Нижнего Новгорода. При нем оказался паспорт на имя крестьянина Подольской губернии Антона Иванова Колесова. При личном осмотре Заварина у него отобрано: записная книжка с заметками весьма конспиративного характера и записанным адресом Петра Иванова Пономарева (под именем которого проживал Иван Александров) (см. № 14), несколько печатных прокламаций, изданных Нижегородским социал-демократическим Комитетом, с датами с января по 7 июня с. г., незаполненный паспортный бланк и материал для приготовления подложного паспорта (копировальная и вощеная бумага и копии с заполненных статей паспорта на имя дворянина Смельницкого).

Назвав себя, Заварин от дачи дальнейших показаний отказался.

XIV. Александров, Иван Платонов, Костромской мещанин, 32 лет, модельщик; привлекался в 1902 году при Московском губернском жандармском управлении по делу о „Северном Рабочем Союзе", подлежал подчинению гласному надзору полиции, но в мае 1903 года скрылся. Установлен был наблюдением, как член районной организации, почему и арестован 19-го июня в гор. Нижнем Новгороде, под именем сына коллежского регистратора Петра Иванова Пономарева, паспорт коего и был у Александрова отобран.

По обыску у Александрова отобрано значительное количество социал-демократической литературы.

Назвав себя, Александров от дачи дальнейших показаний отказался.

Кроме поименованных, привлечен еще XV. Иван Иванов Кокосов, входивший в состав районной организации и проживавший в Москве по паспорту на имя Бородинова; перед арестом он из Москвы выехал в Нижний Новгород, где и был арестован по требованию Московского охранного отделения, при чем был застигнут за работой в подпольной типографии местного социал-демократического комитета. Допрос его будет произведен в гор. Нижнем Новгороде, где Кокосов содержится под стражей, как привлеченный в качестве обвиняемого и по делу о тайной типографии.

Белянчиков, Заварин, Александров и нелегальная Кузьмина записать в протокол допроса сведения об их личностях и отказ от дачи показаний не пожелали; отказались подписать протоколы и постановления о мере пресечения. Стасова хотя и сообщила биографические о себе сведения, но собственноручно записать таковые отказалась; протокол и постановление подписала.

Все обвиняемые, кроме Александра и Пелагеи Шухгалтер, содержатся под стражей.

Упоминаемые в сей записке—Канель, Левенсон, Бродский и Фидели допрошены в качестве свидетелей, при чем показали, что никогда Иванович не просила их о пользовании их адресами для переписки и квартирами для свиданий кого-либо. Свидетели Матусевич и Соколов будут допрошены позже.

Жена Вячеслава Мерцальева Матусевича—Мария Павлова Матусевич, допрошенная в качестве свидетельницы, показала, что муж ее, помимо службы в Институте доктора Блюменталя, занимается птицеводством и разведением животных для прививок; его посещает довольно много заказчиков птицеводов и врачей. Мария Матусевич обратила внимание, что с половины мая, по субботам, с 6 часов вечера, у них в квартире стали регулярно собираться неизвестные ей люди, в числе 3—7 человек. На пред'явленных свидетельнице карточках обвиняемых она признала Стасову, Баумана, Циглера, Буданова и Белянчикова. В отношении других заявила, что с уверенностью сказать, судя по карточкам, бывали ли они на собраниях, не может.

Что это были за собрания у них по субботам, Мария Матусевич не знает; собиравшиеся ей не представлялись, кроме Стасовой, которая известна была ей под именем „Екатерины Петровны". О чем совещались собиравшиеся, она, Мария Матусевич, не знает; слышала лишь раз, находясь в соседней с кабинетом (где происходили собрания) комнате, что Стасова говорила кому-то: „я поеду в Смоленск, а вы поезжайте в Петербург". Собирались поодиночке, расходились так же. Свидетельнице однажды пришлось разговаривать с Циглером и она удостоверяет, что Циглер совершенно чисто и свободно говорит по русски.

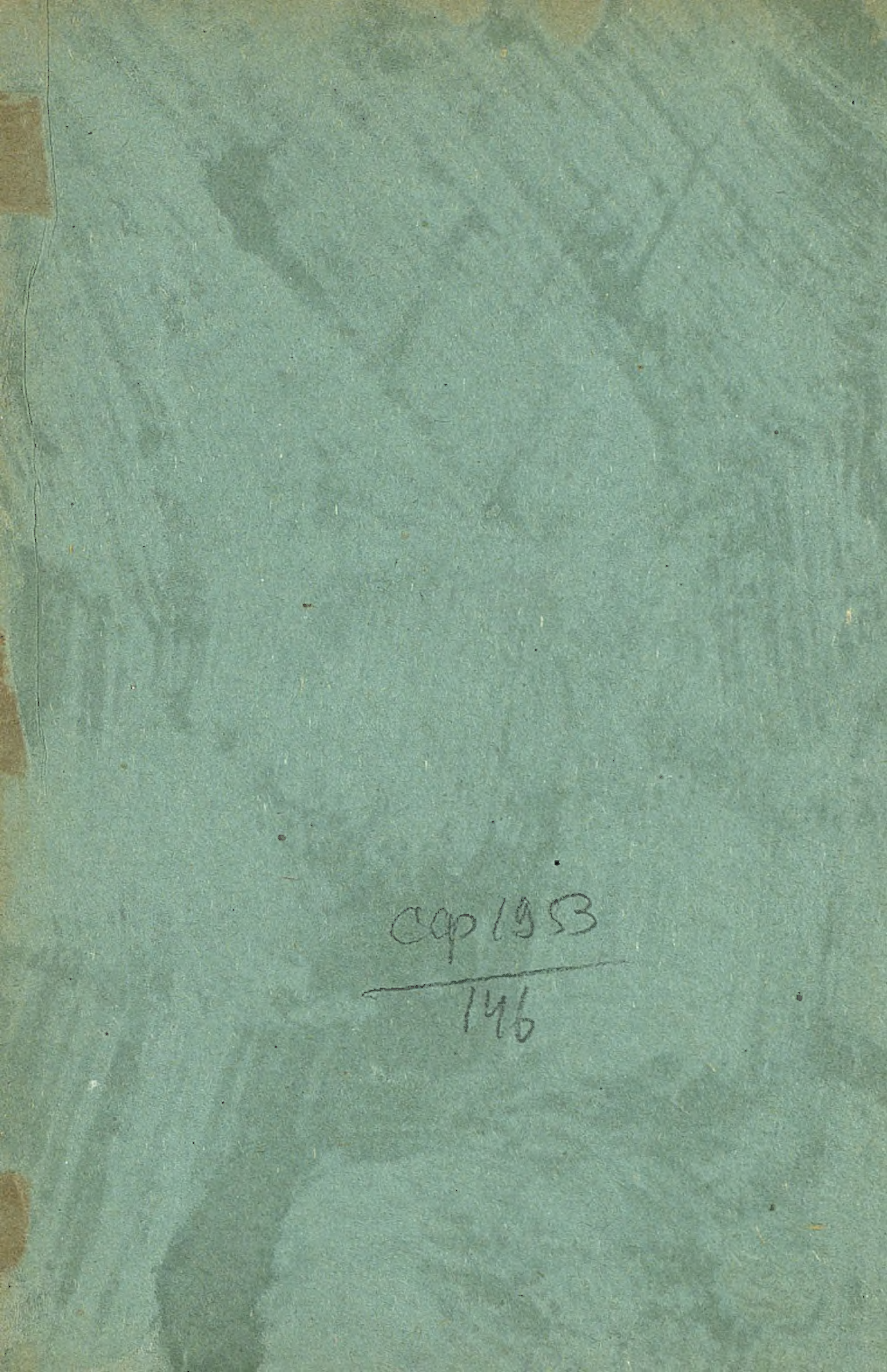
Отдельного Корпуса Жандармов Ротмистр Васильев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

Цена 65 коп.

сф 1953
146

